

Игорь Азерин

WWW

III

ОПЕРАЦИЯ
«ЭПСИЛОН»

Игорь Азерин
WW III. Операция «Эпсилон»
Серия «WW#3», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35001199

ISBN 9785449306241

Аннотация

Первые сутки глобального ядерного конфликта глазами четырёх человек: командира многоцелевой подводной лодки, инженера-компьютерщика, известного иркутского блогера-фотографа и заурядного парня из Новосибирска. Сотни сводок со всего мира, истории гибели и выживания... Стенограмма начала третьей мировой войны.

Содержание

Книга первая цикла WW#3	5
Подводная третья мировая	6
На берегу Байкала	97
Конец ознакомительного фрагмента.	148

WW III

Операция «Эпсилон»

Игорь Азерин

От автора особая благодарность редактору Галине Ивановой, за её помощь в работе над главой «На берегу Байкала». Это был прекрасный опыт сотрудничества и стремления к совершенству.

Редактор Галина Иванова

Редактор Любовь Першакова

Дизайнер обложки Мария Бангерт

© Игорь Азерин, 2019

© Мария Бангерт, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4493-0624-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга первая цикла WW#3

«Если мы не устроим апокалипсис нашим врагам – враги устроят апокалипсис Соединённым штатам»

Из выступления американского генерала на заседании Совета национальной безопасности США.

Подводная третья мировая

Подводникам посвящается

Тихий океан. Многоцелевая атомная подводная лодка «Кот». Поясное время 11:29.

Капитан первого ранга Лосев Александр Иванович получает от вахтенного офицера сообщение: «Товарищ командир, прошу вас немедленно прибыть на ГКП¹. У связистов сведения крайней важности! Крайней важности!» Лосева насторожила подчёркивающая интонация вахтенного и то, что не было сказано ни слова о сути сообщения: значит, случилось что-то уж совсем из ряда вон.

– Сейчас буду, – и прежде, чем дать отбой связи, командир спросил. – Где старший помощник?

– В четвёртом отсеке, контролирует проведение занятий.

Тревожное сообщение застало Лосева в каюте. Он просматривал документацию по заданию: карты, курсовая про-

¹ [1] ГКП – главный командный пункт на подводных лодках и некоторых надводных кораблях, также может называться Центральным. Из ГКП ведётся управление кораблём и координация действий экипажа, здесь несёт вахту командир или замещающий его офицер.

кладка, перечень задач, рекомендации по выполнению. Конечная точка маршрута находилась в той части Тихого океана, которую российские, а прежде и советские подлодки посещали редко. Недавно там выполняло подряд Министерства обороны судно научного типа, принадлежащее гражданскому ведомству. Но исследователи прервали работу и вынуждены были покинуть интересующий водный квадрат из-за того, что несколько американских кораблей стали наводить радио-, гидроакустические и магнитоэлектрические помехи, да и просто теснить российское судно. В настоящий момент оно медленно двигалось в восточном направлении примерно на пересечении северного тропика со сто сороковым меридианом.

Через две минуты Лосев был в командном пункте.

– Докладывайте, – сказал он помощнику командира капитан-лейтенанту Пешкову, выполнявшему обязанности вахтенного офицера.

– На сверхдлинных волнах получено условное сообщение «Внимание всем! Боевая тревога». Сигнал поступил прежде интервального времени. Интервал между передачами изменился. Связисты продолжают получать сигнал, ожидают подтверждения и следующей команды.

– Во сколько пришло сообщение?

– В два двадцать восемь.

Командир взглянул на хронометр и объявил:

– Боевая тревога!

Он опустил­ся в кресло, обычно занимаемое старшим офи­цером в Центральном, и стал наблюдать за действиями под­чинённых. Зазвучал сигнал тревоги, в отсеках началось дви­жение, раздавались команды, репетовки и доклады:

– Сверить часы...

– Оружие, технические средства вскрыть...

– Торпедный дивизион к бою готов...

Боевые посты один за другим докладывали о готовности, а Лосев вызвал к себе командира БЧ-4² Артёма Шабалина.

Сигнал на сверхдлинных волнах – особый вид связи. Он представляет собой повторяющиеся через равные промежутки импульсы, которые генерирует специальная станция. Её антенна погружена глубоко в землю и волны передаются непосредственно почвой, поэтому могут быть приняты в любой точке земного шара вне зависимости от глубины. По своей структуре это всплеск радиоизлучения, в нём нет никакого кода: важно наличие сигнала и интервал между импульсами. Когда интервал обычный, это означает, что государство находится в состоянии мира или, по крайней мере, опасность ракетно-ядерного удара отсутствует. Если интервал изменяется или сигнал вовсе перестаёт приниматься – на подводном судне объявляется боевая тревога. Сверхдлинноволновый сигнал теоретически может быть пропу-

² [2] БЧ – боевая часть, основное организационное подразделение экипажей кораблей Военно-морского флота. Номер обозначает специализацию: 1 – штурманская, 2 – ракетно-артиллерийская, 3 – минно-торпедная, 4 – связи, 5 – электромеханическая, 6 – авиационная, 7 – радиотехническая.

щен по техническим причинам, поэтому, не приняв вовремя передачу, на подлодке проверяют состояние радиоприёмных устройств. Если аппаратура исправна, но сигнала нет, то подлодка переходит к действиям по специальному боевому плану, в перечень пунктов которого входят попытки связи со спутниками, самолётами дальней связи и надводными кораблями – чтобы удостовериться в реальности военного столкновения.

Сейчас очередной сигнал-импульс был получен раньше срока, а последующие – шли с укороченным интервалом. Это означало: происходят события угрожающие государству. Кроме того, теперь сигнал может нести закодированные данные (совсем краткие, но поясняющие ситуацию).

– Какие подробности, Шабалин? – обратился Лосев к командиру БЧ-4, когда тот прибыл.

– Есть сигнал и расшифровка. Вот, – Шабалин протянул листок с коротким текстом.

Лосев прочитал: «Боевая тревога. Действовать согласно плану „Ответный удар“».

– Что ещё? – спросил командир, складывая лист вдвое.

– Постоянный сигнал на сверхдлинных идёт с интервалом военного времени. С двух шестнадцати наблюдаются сильные помехи по всему принимаемому радиодиапазону, но мы фильтруем, справляемся.

– Хорошо.

– Американская передача на СДВ с двух двадцати восьми

тоже идёт с изменением интервала и сдвигом частоты. Изменили после нас через несколько секунд. Пока всё.

– Понял. Свободен, Артём Максимович.

– Есть, – Шабалин поспешил на свой пост.

На ГКП уже прибыли старпом Зименко и штурман Лобанов. Но Лосев обратился к младшему штурману, нёсшему вахту перед объявлением тревоги:

– Пампиди, какой запас времени на ход по счислению?

– Товарищ командир, предельно допустимое время плавания по счислению шестьдесят три часа, – отвечал младший штурман Георгий Пампиди.

– Принято, – командир внёс пометку в блокнот.

– Ну что, Зименко... – Лосев протянул старпому листок бумаги, полученный от связистов, – похоже, началось.

Зименко прочитал сообщение. Потом перевёл взгляд на командира, поправил ремень ПДА³ и произнёс сдавленно:

– Надо выходить на связь, для прояснения ситуации.

– Обязательно. Американцы тоже своим сигналият, между прочим, – ответил ему Лосев и спросил у капитан-лейтенанта Пешкова: – Какие данные по курсу и положению лодки?

– Курс сто семьдесят пять градусов, глубина четыреста семьдесят метров, скорость семь узлов, дифферент ноль.

Командир объявил:

– По местам стоять к всплытию. Всплывать на глубину тридцать метров с дифферентом на корму пять градусов. До-

³ [3] ПДА – персональный дыхательный аппарат.

клад каждые десять метров глубины.

Он остановил старпома, который собирался покинуть ГКП, выполняя обязанности согласно расписанию по тревоге:

– Олегыч, задержись. Будем вскрывать пакет.

После этого Лосев позвал командира БЧ-3 капитана третьего ранга Василия Шакшина. Подошёл и особист Игонин. Командир обратился к ним:

– Товарищи офицеры, пришло время вскрыть секретный пакет. Зименко в курсе, довожу до вашего сведения, чтобы соблюсти формальности. На сверхдлинных мы получаем сигнал с интервалом военного времени. Есть сообщение: приказано действовать по плану «Ответный удар».

Он показал лист с кодовым сообщением – Шакшин кивнул. Лосев шагнул к корабельному сейфу – старпом, у которого был второй ключ, шагнул с ним. На полке для запечатанных секретных пакетов лежали три больших конверта с кодовыми названиями. Командир взял в руки один – из серо-жёлтой бумаги и с красной надписью «Ответный удар», штампом «Совершенно секретно» и инструкцией: «Вскрыть после получения всеобщей команды „Ответный удар“ командиром корабля в присутствии не менее двух уполномоченных лиц».

В конверте был лист с приказом, карта и флешка с дополнительными данными для боевой информационно-управляющей системы корабля. Все четверо склонились над доку-

ментами. Из них следовало, что экипаж должен действовать в зависимости от того, в каком из трёх обозначенных на карте квадратов находится подлодка. Если в квадрате №1 (на самом дальнем отрезке маршрута), то следует идти к тихоокеанскому берегу Северной Америки примерно на широтах Калифорнии, и в наибольшей близости к материку произвести пуск ракет, предназначенных для уничтожения неподвижных объектов на суше и в прибрежной зоне; остальные боеприпасы использовать по обстоятельствам. Полётные программы имелись на электронном носителе, но их нужно было уточнить, выйдя на связь со спутником.

При нахождении подлодки в квадрате №2 – идти в направлении базы временной приписки, действовать самостоятельно, уничтожать надводные и подводные корабли врага; флешка содержала список враждебных государств и принадлежащих им наиболее крупных или значимых судов.

В квадрате №3, находившемся ближе всего к базе приписки, – попытаться скоординировать свои действия со штабом Тихоокеанского флота и самостоятельно наносить удары по обнаруженным кораблям противника.

Во всех случаях необходимо было выйти на связь со спутниками связи «КА-14», «КА-17» или другими, перечень которых, с координатами и оптимальным временем связи, ещё на базе был занесён в каталоги БИУСа⁴. Прилагался к плану также список государств, корабли и прочие объекты коих

⁴ [4] БИУС – боевая информационная управляющая система корабля.

нельзя было уничтожать, кроме случаев их прямого нападения. В основном это были государства восточной Азии: Китай, Южная Корея, Северная Корея, Япония, Филиппины, Вьетнам, Индонезия.

– Лобанов, подойди, – обратился Лосев к командиру БЧ-1.

– Мы находимся тут, – сказал Александр Иванович, ткнув пальцем в квадрат №2. – Примерно на сороковом градусе северной широты. Так, Вадим Григорьевич?

Штурман пару секунд присматривался к карте, затем протянул к ней руку с карандашом.

– Так точно. Идём в ста сорока милях северо-западнее подводной горы Нинтоку. Сорок два градуса северной широты, сто семьдесят три градуса восточной долготы. От поверхности воды до вершины этого гайота⁵ примерно тысяча сто метров. Направление вдоль Императорского хребта на зюйд⁶. Под нами шесть тысяч триста метров. До временной базы приписки девятьсот миль.

– Вот, – командир выставил указательный палец. – Вблизи группировка седьмого флота США, которую мы без шума должны обойти, а на грунт здесь, как вы понимаете, не ляжешь если что. И поднять нас смогут только лет через двести, какие-нибудь мутанты без тельников.

⁵ [5] Гайот – подводная гора с плоской вершиной.

⁶ [6] Зюйд – юг.

– Теперь понятно, почему они так выстроились, – Шакшин со значением оглядел остальных, – на перехват всего, что летит и плывёт к берегам Америки.

– Значит так, штурман, – командир положил руку на плечо Лобанову, – составь подробную карту со всеми кораблями противника, которые мы засекали: дальность до каждой цели, направление движения и скорость, возможное место пребывания с учётом времени. На основе твоих расчётов выберем цели. Сейчас ещё подключим акустику и радиопеленг (Синицыну и Шабалину я отдам распоряжение). Потом отдельно дай сведения по «Пёрл-Харбору»: данные по обороне, донные антенны, минные заграждения, фарватеры, кабели, командные объекты, пункты жизнеобеспечения и прочее. Задача ясна?

– Так точно.

– Приступай, Вадим. Шакшин, дай команду своим в отсеках, чтобы ещё раз проверили всё, и готовьтесь к боевым пускам. Выполняй, Макарыч. Ну и мы с тобой, Зименко, тоже будем готовиться. Ты задержись: покумекаем.

Как офицер и командир Лосев состоялся на Северном флоте: начинал там ещё с курсантской практики. Дважды побывал в атлантических экспедициях, у берегов Северной Африки. В Тихий океан Александр Иванович вышел второй

раз: прежде он командировался сюда в должности помощника штурмана и прослужил здесь более шести месяцев. Полтора года назад его назначили командиром «Кота»: лодка тогда возвращалась в боевой строй после глубокой модернизации. Тихий океан был для Лосева немного непривычен своими глубинами, разнообразием течений и ветров, температурой, шумами, структурой водной толщи, но он быстро принаравливался.

При том, что базой приписки «Кота» было Гаджиево, экипаж готовился к походу у одного из пирсов посёлка Рыбачий на Камчатке. В течение восьми недель шли ежедневные тренировки. После трёхлетнего капитального ремонта от прежнего корабля остался только корпус и основная часть реактора. Поменялось расположение нескольких боевых постов, электронная начинка корабля теперь занимала меньше места, многократно снизился уровень её теплоотдачи, что в свою очередь повлекло компактизацию систем вентиляции и охлаждения и, в некоторой степени, уменьшение шумности. На ГКП разместился пост акустика – с основным рабочим монитором и дополнительным, на который, например, для командира или штурмана, могла выводиться информация с приборов гидроакустической или вычислительной группы, занимавших прежде место в отсеке. Был возвращён в Центральный и пост командира БЧ-3, как на первых лодках серии, – до модернизации он располагался на другой палубе «Кота». Изменилось и место навигацион-

ного поста штурманской части.

Штурмана Вадима Лобанова зачислили в экипаж на Камчатке. Это было единственное изменения офицерского штаба корабля, если не считать прикомандированных для специального задания двух инженеров. Вадима, кстати, Лосев знал ещё со времени учёбы в «мореходке». Служба Лобанова проходила исключительно на Тихоокеанском флоте. Большая часть маршрута ему была знакома – он не раз ходил в тропические широты, хотя и не далее Гавайского архипелага. В таких походах чаще прочих ставилась задача по сопровождению стратегических ракетноносцев.

Согласно курсовой прокладке подводный крейсер должен был пройти вдоль Гавайской гряды на удалении в тысяча двести миль от неё, пересечь Северный тропик и от островов Ревилья-Хихедо идти против холодного течения к широтам выше тропической параллели. Там, примерно со сто тридцатого градуса западной долготы до сто сорокового градуса, американцы разместили линию плавучих платформ, предположительно, с лазерными противоракетными установками большой мощности. Около четырёх месяцев назад они ограничили движение морских и воздушных судов в стомильной зоне вокруг плавучей батареи.

Изначально линия состояла из двенадцати платформ, установленных очень быстро, а монтаж оборудования на них вёлся круглосуточно; затем в трёхстах милях к западу американцы стали располагать вторую линию ещё из двенадцати

плавающих объектов, смещённых так, что обе линии теперь составили шахматный порядок. Официально эта система плавающих объектов значилась как элемент стратегической обороны: более конкретно – стартовые площадки противоракет. Но даже американские аналитики говорили, что на платформах размещено электромагнитное или лазерное оружие. На запросы российского МИДа Госдеп отвечал дежурными фразами, мол, хотя работы носят военно-научный и секретный характер, они не несут опасности для других государств, имеют строго оборонительное качество и не нарушают никаких договоров. Однако внезапность, с какой в океане появились военные объекты, не могла не обеспокоить руководство России. Кроме того, в районе Аляски и на канадской территории немного ранее были созданы системы объектов очень напоминающие те, что расположены на платформах, и со схожими характеристиками в излучаемом радиодиапазоне.

В эти дни Соединённые Штаты проводили крупнейшие за всю историю учения. Подавляющая часть Третьего оперативного флота США и примкнувшая к нему группировка Седьмого флота выстроились от точки пересечения сороковой параллели со ста восьмидесятым меридианом и почти до материковой части Аляски, то есть примерно до пересечения пятидесятой параллели со сто шестьдесят пятым меридианом. Флот стоял тактическими группами, причём основные силы – ближе к Аляске: шесть авианосцев с корабля-

ми сопровождения, на расстоянии двести пятьдесят – триста миль между ордерами. Учения были запланированы давно, но за несколько месяцев до назначенной даты манёврам придали большой размах и иной сценарий. По официальной версии, это было связано с извержением вулкана. Извержение вулкана и в самом деле недавно произошло: на острове Чугинадак архипелага Аляска – и его начало сопровождалось сильным землетрясением с образованием высоких океанских волн, причинивших некоторые разрушения от Берингова пролива с одной стороны архипелага до тихоокеанского побережья Канады и тропических островов по другую сторону.

На тему учений и вулкана ходила шутка. Дело в том, что в момент начала извержения у подножия располагался англо-американский лагерь учёных, проводивших полевые исследования, и которых спешно пришлось эвакуировать (были даже пострадавшие). Спустя несколько дней стало известно, что американцы изменили сценарий манёвров, задействовав флоты европейских государств, в том числе Великобритании – правда, недалеко от их родных берегов. Ну а согласно сценарию учений, военно-морской флот должен участвовать в спасательной операции, которая разворачивалась после условного удара земной стихии: сильного извержения вулкана, землетрясения, цунами. Шутка же была такова: США решили показать свою силу вулкану, который посмел угрожать английским учёным.

И вот подводный корабль, которым командовал Лосев, находился в тех водах, где проводись чужие манёвры и всегда хозяйничал потенциальный противник. Для соблюдения максимальной скрытности лодка шла на малом ходу и большой глубине. Перед заданием подводники получили подробные данные о нахождении флотов, отдельных кораблей и крупных гражданских судов в тихоокеанской акватории.

На момент выхода «Кота» из родной гавани корабли американской базы в японском Сасебо стояли на внешнем рейде одного из портов Окинавы. До них было далеко, хотя и в пределах досягаемости ракетным оружием. Группа кораблей этой базы предназначена для десантных операций и не несёт прямой угрозы подводным лодкам. Другое дело, что ударное соединение этой флотилии во главе с десантным кораблём «Бенхом Ричард», в которую входили также десантный корабль-док «Эшланд», минные тральщики «Шеф», «Патриот» и другие, внезапно прервали плановое осеннее патрулирование и пошли к Окинаве, где расквартированы несколько бригад корпуса морской пехоты.

Восточнее Императорского хребта выстроились ударные авианосные группы. Интересно выстроились. Со стороны могло показаться (и сценарий манёвров это предписывал), что несколько таких групп должны из низких широт двигаться в более высокие, к берегам Аляски. Образовался своеобразный караван, а на деле – крупное оперативное объедине-

ние флота.

Из Йокосуки вышла группа, возглавляемая командным кораблём «Блю Ридж»: судно полувекового возраста, пару раз швартовавшееся в порту Владивостока. Кулак флотилии – флагманский авианосец «Рональд Рейган», ракетные крейсера «Ченслорвилль» и «Шило», ракетные эсминцы «Фицджеральд», «Мастин», «Барри», ну и ударные единицы размером поменьше. Боеготовность обеспечивали полдюжины транспортов материального обеспечения. В составе формирования имелись как минимум две подводные лодки. В Йокосуке осталась небольшая флотилия во главе с крейсером «Антитам»: она вышла из порта, но держалась в прибрежной зоне.

Примечательно, что в это же время был введён в строй из резерва и поставлен на рейд Йокосуки старый авианосец «Кити Хок», всего лишь с несколькими самолётами на борту. А предположительно в Сасебо двигался ещё один срочно реанимированный неатомный авианосец «Джон Кеннеди». Вряд ли эти старые посудины (в нынешнем виде и с дефицитом авиации) могли реально изменить баланс сил между Штатами и Россией, или между Штатами и Китаем, но, как теперь выясняется, могли оттянуть некоторые силы противника на себя.

Авианосные ударные группы наверняка дополнялись подводными лодками, вышедшими из гавайской базы США «Пёрл-Харбор», но на этот счёт надёжных разведанных

не было. Не было подробных сведений и о кораблях крупнейшей базы в Сан-Диего. Было только известно: головной авианосец «Рузвельт» шёл в северные широты в сопровождении нескольких крейсеров и эсминцев, но основная флотилия, состоящая из кораблей прибрежной зоны, вертолётноносцев, десантных судов, тральщиков и прочих плавучих единиц находилась невдалеке от порта приписки. Там же на плановом ремонте стоял авианосец «Вильсон». Чтобы дополнить данные о силах противника в районах Сан-Диего и Пёрл-Харбор, наша лодка должна была подвсплыть и получить зашифрованное сообщение со спутника.

Тихоокеанская группировка была усилена армадами из Атлантики. Три авианосца пришли оттуда: «Буш», «Трумэн» и новейший «Форд» – первый корабль типовой серии. Было известно лишь о шести субмаринах, сопровождавших авианосные группы – большую часть времени они шли в надводном положении, – но предполагалось, что их вдвое больше. Кроме того, на некотором отдалении от основных сил, ближе к берегам Японии и Камчатки, несли дежурство три корабля гидроакустической разведки с буксируемыми антеннами, в связке с самолётами дальнего морского обнаружения «Орион Р-3С» и «Посейдон Р-8А». Положение морских разведчиков было известно довольно точно.

Эти разведывательные корабли представляли для подводной лодки большую опасность: длинные буксируемые антенны высвечивали толщу воды до самого дна, показывая мель-

чайшие подробности. Их можно было обойти лишь на большом отдалении. Скорость судов гидроакустической разведки во время патрулирования поддерживается в пределах трёх—пяти узлов, а дальность обнаружения массивных подводных объектов – несколько сотен километров. Имея координаты разведчиков, можно было держаться на сравнительно безопасном расстоянии, а ориентируя корабль относительно их антенн, удавалось снижать площадь отражения поисковых импульсов и оставаться незамеченными.

Ещё опаснее были подводные лодки противника, так как они могли, не проявляя себя, подойти очень близко. Командиру Лосеву и его подчинённым оставалось лишь надеяться, что «Кот» до сих пор не обнаружен. Правда, на корабле был размещён новейший прибор, намного повышающий возможность экипажа обнаруживать другие лодки. Официально – векторно-фазовый гидрофон, в обиходе – фазофон. Вот только аналогичные по принципу действия гидрофоны ещё раньше были установлены на собственные корабли американцами – пока не на все, но уже на многие, и очень вероятно – более совершенные. Когда-то идея фазофонов появилась в России, но была задвинута на многие годы определёнными людьми, а американцы стали её развивать, и в результате вырвались вперёд.

Если верить данным гидроакустиков и радиопеленгаторов, подводная лодка пока не была обнаружена противником, но Лосев иллюзий не питал. Если супостат не предпри-

никаких действий, выжидает, ведёт игру, то узнать достоверно о своём обнаружении весьма сложно. Конечно, есть приборы, имеется возможность засечь чужие сонары и шумы, но если вражеская субмарина оснащена передовым комплексом поиска подводных лодок, то она с определённой дистанции будет просто невидима для слабых и устаревших приборов.

Лодка командира Лосева после выхода из порта легла на курс в южном направлении, и, слившись в шумовом диапазоне с крупнотоннажным контейнеровозом, прошла по краю зоны звуковой освещённости одного из кораблей гидроакустической разведки. Теперь следовало особенно опасаться подводных лодок противника, гидроакустических буёв и автономных аппаратов американских систем обнаружения подводных целей.

Со спутниковой связью ситуация складывалась такая. Подводная лодка на своём пути могла получить информацию без запроса с трёх спутников. Они периодически излучают пакет данных для определённых кораблей по команде с наземного пункта, или автоматически – в случае всеобщей тревоги. Лодке, находящейся в заданном районе, нужно было лишь подняться ближе к поверхности воды, чтобы принять сигнал. Два спутника («КА-14» и «КА-17») имели период обращения примерно сто минут, и могли только транслировать данные, полученные некоторое время назад от военного оператора связи. Третий спутник принадлежал к но-

вейшей секретной системе орбитального наблюдения и имел обозначение «СОН-2».

Этот аппарат мог не только передавать сведения, полученные от военных операторов, но и нёс на борту средства наблюдения и обработки данных. На нём была установлена одна широкоугольная и две узконаправленных камеры высокого разрешения (в обычном и в инфракрасном диапазоне). Оптическая аппаратура работала в связке с радиопеленгаторными и радиопрослушивающими приборами, что серьёзно увеличивало возможности системы опознавания объектов. Бортовой вычислительный комплекс этого спутника самостоятельно идентифицировал и отслеживал надводные цели. К примеру, он мог распознавать типы судов и даже конкретные корабли, просчитывать их пути, группировать цели в зависимости от направления их движения, скорости и взаимного расположения. По сути, он в режиме реального времени мог передать на лодку координаты авианосцев, авианесущих ударных группировок, отдельных кораблей – будь то тральщик гидроакустической разведки или эсминец.

Можно было получить данные и с других спутников: для этого надо было направить им запрос в виде сеанса радиосвязи. Однако передача сигнала почти гарантированно привела бы к раскрытию местоположения лодки.

Данные, передаваемые за один автоматический сеанс связи, обычно не превышают нескольких сотен килобайтов, то есть передача длится меньше секунды. Часть этого объёма –

хаотический набор шифровального мусора, в котором прячутся ценные сведения. Иногда передача могла быть длиннее и содержать мегабайты и даже десятки мегабайтов информации. Обычно это означает, что в сеансе присутствуют изображения: например, картографические снимки.

– Что бы ты предложил, Олегыч? – обратился Лосев к старшему помощнику.

Немного подумав, Зименко сказал:

– Надо попробовать получить со спутников передачу в автоматическом режиме. Если не будет ничего для нас, то дождаться следующего окна связи и дать запрос по координатам ближайших надводных и подводных целей, потом – получить целеуказание для ракет или подтверждение для текущих полётных программ. У нас будет время для того, чтобы оценить ситуацию, может быть, подготовиться лучше. Если удалимся на запад, то больше шансов укрыться от преследования после сигнала на спутники. Можно оставить радиобуй с запросом прямо сейчас... но так мы себя раскроем – слишком близко от противника.

– Да, – не сразу заговорил командир, покручивая пальцами авторучку, – и плохо, что близко, и хорошо, что близко. Для внезапного удара хорошо, а для скрытности... Мы вот как поступим, Олегыч. Первым в зоне доступа у нас бу-

дет спутник «КА-17». Если с ним не получится – дождёмся следующего, «четырнадцатого». Если в обоих случаях мы не примем вводных, то будем атаковать ближайшую группировку. Основная цель – авианосец. По завершении ракетно-торпедной атаки возьмём курс на «Пёрл-Харбор». Атакуем базу. Основные цели – командный пункт, узел связи. По ним мы ударим специальными боеприпасами. Вот так.

Зименко обвёл взглядом центральный пост: вроде бы все заняты делом, но вряд ли этот разговор остаётся без внимания.

– Задачу понял, – произнёс он, и после секундной паузы продолжил. – Только к базе нам не дадут приблизиться. Раз уж вы спрашиваете моё мнение, то, если передачи со спутников не поступят, может, имеет смысл ударить всеми ракетами по ближайшим группировкам? Потом идти в сторону дома.

– Надеюсь, противник будет рассуждать так же.

– Они всё равно возьмут наш след.

– Не факт. Атакуем – и сразу же уйдём на глубину курсом уклонения. Они посчитают, что мы уходим к своему берегу, а мы пойдём к Гавайям. Там солнце, пальмы, доступные девки и крупнейшая база подводных лодок. Чем не цель? Может быть, кроме нас ближе к этой базе никого нет. Такую возможность щемануть врага нельзя упускать. А о своей сохранности будем беспокоиться во вторую очередь.

– Товарищ командир, может, вам показалось, что я боюсь

за свою шкуру, но это не так. Просто считаю, что к Гавайям нам не подойти. Они услышат нас на дальних подступах донными антеннами и автономными аппаратами. Если мы даже успеем отстреляться издалека ракетами, то они не долетят. У нас есть шанс нанести больший урон противнику. Здесь у него нет такой готовности к обороне.

Лосев смотрел молча на своего помощника, и тот продолжил:

– Мы можем попробовать пройти дальше на норд-ост, вклиниться в линию противника, встав сразу между двумя авианосными группировками, и ударить по обеим. По одной ракете со спецбоеприпасом на каждую группу. Расстояние между ними двести пятьдесят – триста миль. Это чуть больше, чем сейчас от нас до ближайшей.

Лосев поднялся с кресла, подошёл к пульту «Молибдена⁷» и оглянулся оттуда на Зименко. Положил руку на кресло оператора поста, постоял немного. Потом, с задумчивым видом, возвратился на своё привычное место.

– Олегыч, я не говорю, что ты за жизнь испугался. Все хотят сохраниться – и ты, и я. И за людей мы оба должны думать. Дело не в боязни за собственную шкуру. Просто я уверен, что так нас скорее накроют, если мы вообще успеем огрызнуться. Вклиниваться в их строй очень уж рискованно. Мы вынуждены будем слишком долго находиться в поле зре-

⁷ [7] «Молибден» – комплекс управления общекорабельными системами подводной лодки.

ния противолодочных средств сразу двух группировок. Нам надо приблизиться ровно настолько, чтобы определить курс авиагруппы, после этого отдалиться и попытаться выйти ей наперерез, в позицию засады. Ударим с фронта, сделаем манёвр, показывая, что идём к своему берегу, а сами – возьмём курс на вражескую базу. Они, скорее всего, не знают, что у нас на борту есть спецбоеприпасы. Понимаешь?

– Да.

– И ещё. Мы не знаем достоверно, обнаружили нас или нет. Может, обнаружили, но пока нет средств, чтобы достать, и нет достаточного сближения. Допустим, нас обнаружила не подлодка... та давно атаковала бы. Если война – американцы нас должны топить сразу после обнаружения. Они уже идут с готовностью торпедных аппаратов к «пли». «Свой-чужой»... и «пли»! А, допустим, нас обнаруживает подводный робот, или корабль гидроакустической разведки, или глубинный автономный буй. Робот или буюк после нашего прохода мимо всплывают, подают сигнал, корабль ГАР⁸ подаёт сигнал сразу... что происходит? Нам навстречу посылается подлодка или противолодочник. Могут даже робота пустить с торпедой, который даст запрос «свой-чужой», а потом бухнет. Откуда пойдёт к нам перехватчик? Он пойдёт из авианесущей группировки. Они выставят линейный барьер и будут ждать. Даже наш курс более-менее точно рассчитают, и точку randevu. Понимаешь? На всякий случай они и с Гавайев

⁸ [8] ГАР – гидроакустическая разведка.

к нам перехватчиков отправят, но тем сколько идти? До тех далеко. И тут да... пройти мимо них незамеченными шансов у нас мало. Но мы хотя бы нанесём удар по авианосцу, а потом... Будем надеяться на удачу. Я думаю, если мы попытаемся вклиниться в их линию, то нас засекут так быстро, что мы не успеем ничего сделать. Я даже сомневаюсь, надо ли нам ждать связи со спутником? Может, лучше... (долбануть) по ним сходу?

Старший помощник молчал, понимая, что вопрос командира не требует ответа. Шумела аппаратура, шли доклады из отсеков, с равными интервалами попискивали какие-то зуммеры. Спустя несколько секунд Зименко произнёс:

– И всё-таки, товарищ командир, я остаюсь при своём мнении. Мы можем предполагать, обнаружили нас или нет, но если не обнаружили, то мы можем нанести удар с большей неожиданностью и по большему количеству целей.

– Возможно, но...

В это мгновение поступил доклад от связистов:

– Время ожидания сигнала на сверхдлинных волнах истекло. Сигнала нет. Команды «Отбой боевой тревоги» не поступало.

Лосев поднял глаза на Зименко и сказал:

– Я тебя выслушал, Олегыч. Но действовать будем по моему плану. Надо его детально проработать. Мы в любом случае возьмём курс на ближайшую авиагруппу, поэтому твой план атаки, считаю, целесообразно оставить в качестве за-

пасного.

Прошло двадцать четыре минуты от начала всплытия, лодка достигла отметки тридцать метров и проводились мероприятия, стандартные при достижении безопасной глубины. Связисты отрапортовали: до первого временного окна связи с военным спутником осталось семь-восемь минут. По данным БЧ-1 расстояние до противника составляло триста шестьдесят миль. Лосев отдал приказ связистам на подготовку к использованию средств спутниковой связи, а также на смену кодов в системах опознавания «Пароль». Новые запросные коды были на флешке из секретного пакета.

Сверили часы, подняли радиоантенну для связи с орбитальными аппаратами. Антенна была новая, очень чувствительная. При ясной погоде на данной глубине в отведённое временное окно она уверенно принимала до двенадцати передач, идущих с интервалом в минуту.

В этот раз на волне ожидания царила мёртвая тишина.

До открытия окна связи со следующим спутником оставалось примерно двадцать минут. Лосев решил всплыть на перископную глубину. Пошла команда «прослушать горизонт» – последовал рапорт. Лодка начала отклоняться от прежнего курса на семьдесят три градуса. Всплытие под перископ в дневное время, да ещё в радиусе действия палуб-

ной авиации ближайшей ударной группировки было шагом опасным, но командир рискнул. В пользу его решения говорило то, что по данным метеопрогноза в этом районе стоит штормовая погода, и акустики подтверждали прогноз данными о высокой шумности водной поверхности.

Когда манёвр изменения курса был закончен, а цистерны вспомогательного балласта частично заполнены, командир объявил:

– По местам стоять к всплытию на перископную глубину.

Далее:

– Прослушать горизонт.

– Горизонт чист, – отрапортовал акустик.

– Товсь на быстрой! – отдал команду Лосев и его приказ повторил вахтенный поста электромеханической боевой части.

– Стоят на быстрой, – последовал доклад на ГКП.

– На малом ходу всплывать на глубину пятнадцать метров с дифферентом три градуса на корму, отсчёт глубины каждый метр.

Шли своей чередой рапорты и команды рулевых, звучал отсчёт. По мере приближения к поверхности боцман убавлял угол всплытия, лодка уменьшала ход. Наконец перископная глубина. Приказы и доклады продолжались: «Ход три узла на вспомогательных... Поднять штурманский перископ. Держать глубину пятнадцать метров... Горизонт визуально чист... От быстрой отойти... включить РЭС на „высокое“,

провести регулировку и калибровку без излучения...»

Штормило сильно. Массивные волны чувствительно поднимали и опускали огромный корабль, кренили его.

Вновь подняли антенну спутниковой связи «Кора—2М», убрannую на время всплытия под перископ. Также выдвинули антенны пеленгатора, средств связи и радиопротиводействия: «Аниса», «Радиана», «Бухты»...

От командира БЧ-4 Артём Шабалина поступил доклад:

– Товарищ командир, модули ГЛОНАСС работают с ошибками, модули GPS-НАВСТАР информацию не выдают.

Мгновение спустя прозвучал доклад младшего штурмана Георгия Пампиди:

– Подтверждаю: показания приборов космического позиционирования для расчётов не годятся.

Александр Иванович уточнил у Шабалина:

– ГЛОНАСС выдаёт ошибки, а GPS вообще ничего не выдаёт?

– Так точно. Товарищ командир, разрешите время, чтобы разобраться.

– Давай, Шабалин, разбирайся, только быстро. Доложишь через две минуты.

– Есть.

Лосев подошёл к перископу. Что-либо высмотреть было сложно: огромные волны съедали горизонт, дул сильный ветер, шёл дождь и над поверхностью клубился туман из брызг

и схлопывающихся пузырьков пены. Похоже, корабль находился близко к центральной зоне урагана. Прибавили скорости. Шли минуты ожидания сигнала.

Шабалин докладывал:

– Товарищ командир, до нас доходят сигналы ГЛОНАСС только с двух спутников в южном полушарии, а этого мало для определения местоположения. А сейчас... вот только что... вообще только с одного спутника принимаем сигнал и он уходит за горизонт. GPS-сигнал мы получаем устойчивый, но он не дешифруется приёмником – похоже, хозяева изменили кодировку.

– Исправить можно?

– Нет. У нас не лаборатория Касперского, – Шабалин смутился, видимо поняв, что выходит за пределы субординации, робко кашлянул. – Нет, нет у нас такой возможности, и специалистов нет.

– Ясно. Ну, с определением местоположения пусть нас штурмана спасают. Нда... так они что, перепрограммировали свои спутники? Это же и все приёмники надо прошить по новой? Разве нет?

– Примерно. Вероятно, они сменили алгоритм кодирования для неавторизованных пользователей. Данные получаем, только они не читаемы. А их специальный канал военной связи наш приёмник декодировать не может в принципе.

– Да про военный канал понятно, – махнул рукой командир. – Ладно, Артём, я тебя понял. Как связь с «КА-14»?

– Готовы. По графику, предоставленному нам БЧ-1, сеанс откроется предположительно через пять минут.

– Докладывайте по мере изменения обстановки.

– Есть.

Открылось условное окно связи. И снова тишина. Одна за другой истекли минуты ожидания – сигнала не поступило. Был ли вообще спутник на орбите?

Лосев запросил у связистов:

– Что там у нас на очереди?

– Следующим идёт «СОН-2». До открытия сеанса примерно восемь минут.

– Настраивайтесь на приём передачи с него.

Лосев не очень верил, что сеанс состоится, но почему бы не попробовать, если ждать совсем не долго. Потом с чистой совестью можно уходить на глубину. И вот расчётное время связи наступило, однако ближний космос по-прежнему молчал. Прошли три минуты, пять, семь...

Окно ожидания закрылось. В отсеках умолкли разговоры, слышны были только доклады и репетовки. Атмосфера была гнетущей: все понимали, что случилась большая беда. Может быть, и война-то уже закончилась... мгновенный удар, огненный шквал... всё закончилось, но беда не ушла. Далеко отсюда в огромной стране, над которой в эту минуту нависала такая же огромная ночь, оставались близкие люди. Сейчас все мысли членов экипажа были о них, о родных, о любимых, о ждущих. Какой ужас они там переживают? Ведь для

многих наступил конец света.

Командир включил громкую связь и обратился к экипажу:
– Внимание! Слушать всем! Братцы, вы, наверное, уже в курсе, что на сверхдлинных пришло сообщение «Боевая тревога». Это означает, что наша родина находится в состоянии войны. Некоторое время назад сигнал на сверхдлинных прекратился. Оборвался совсем. Кроме того, не поступают передачи с военных спутников. В общем, сомнений нет – наша страна подверглась нападению. А кто на нас может напасть, думаю, никому объяснять не надо. Наш потенциальный противник стал вполне осязаемым врагом. Его реальное присутствие обнаруживается нашими приборами, его можно слышать и даже видеть. И пришла пора провести по нему не условные атаки, а боевые. Мною вскрыт пакет с боевой задачей, и мы уже начали действовать по нему. Братцы, пришла пора защитить нашу родину в настоящем бою. Мы в одиночку должны атаковать врага. Похоже, никто нам не поможет – но от нас ждут помощи многие. Я надеюсь, что все, кто остался ждать нас на берегу, живы. Живы и верят в нас. Так давайте примем бой за них, за их ожидание, за их надежду, за их молитвы о нас. С нами правда и Бог! Наши предки всегда побеждали в открытом бою – победим и мы!

Он опустил микрофон, помолчал несколько секунд, потом вновь поднял его.

– Всем! Приступаем к выполнению боевой задачи! Боевая готовность номер один подводная! – повесил микрофон, об-

ратился к стоявшему вблизи старпому. – Зименко, курс сто пять, ныряй на глубину двести пятьдесят метров, дифферент восемь градусов на нос. Командуй – я пройду по отсекам.

– Есть принять командование кораблём, – ответил старпом и сразу же объявил по громкой связи: – В Центральном старший помощник командира капитан второго ранга Зименко. Убрать выдвижные устройства.

Лосев ещё минут десять-двенадцать был в центральном посту, читая показания приборов, просматривая штурманские карты и обмениваясь с офицерами короткими репликами, задержался у поста координации движения, затем у поста ракетно-торпедной части. Потом командир начал обход корабля, заглядывая во все отсеки, подбадривая людей, иногда отдавая распоряжения, кому-то делая и замечания, но в целом, стараясь поддержать боевой дух.

Возвратившись в Центральный, командир отдал приказ уходить на глубину четыреста восемьдесят метров. Также он распорядился выпустить буксируемую антенну гидроакустического комплекса «Скат», когда корабль достигнет обозначенной глубины. После этого Лосев примерно двадцать минут находился в штурманской и, покидая её, объявил сбор в кают-компанию для совещания командирам боевых частей, а также командирам некоторых дивизионов и групп.

Первым делом кратко обсудили организацию вахт: пока лодка шла вдали от авианосных группировок врага, имелся смысл задействовать одну вахту, остальной личный состав займёт места согласно боевому расписанию при обнаружении очевидной опасности или для выполнения запланированной атаки. Исключением был штат радиотехнической боевой части – на него в ближайшие часы ляжет очень серьёзная нагрузка, и здесь командир БЧ со своим заместителем уже по ходу будут определять расписание.

Потом офицеры приступили к обсуждению плана предстоящей атаки на противника.

– Внимание! – чуть повысил голос Лосев. – Послушаем сначала штурмана. Вадим Григорьевич, тебе слово.

Лобанов, прикреплял карту к доске:

– Да, Александр Иванович, сейчас.

– Так, Шакшин, Рукоделов, разговоры закончили! Сюда внимание, – сделал замечание Лосев командиру третьей боевой части и командиру ракетного дивизиона (те шептались).

Прошло несколько секунд, штурман закончил с приготовлениями:

– Мы находимся вот здесь, – он указал карандашом на кружок с точкой посередине. – Это наше obserвованное местоположение. Ближайшая группа кораблей против-

ника находится здесь, если она не изменила курс и скорость со времени получения последних данных. До неё примерно триста шестьдесят миль. Вот наш путь. Здесь нам пару узлов добавляло тёплое течение, с ним мы прошли над Императорским хребтом, и вот тут запланирован поворот на сорок пять градусов...

Штурман вёл карандаш вдоль линии, обозначавшей намеченный путь подлодки, почти касаясь карты. Все внимательно следили за его рукой.

– ...так, чтобы пройти вдоль Гавайского архипелага и на безопасном отдалении от него. Теперь наша задача поменялась. Мы забираем чуть к северу, на пятнадцать градусов и на малом ходу пытаемся обнаружить «скатом» движущийся ордер. Найдя цель, сближаемся, используя течения, до дистанции выстрела торпедным и ракетным оружием. Наносим удар – после этого совершаем манёвр уклонения, удаляемся на тридцать миль, встаём на начальный курс сто восемьдесят и идём к Гавайям, для нанесения второго удара.

– Значит, смотрите, – прервал командир штурмана, вставая, – почему я предполагаю действовать так. Зименко, между нами была дискуссия, да? Смотри. Мы имеем течение. Здесь оно раздваивается. Два рукава. Мы сейчас идём в северном рукаве.

– Аляскинское течение, – уточнил Лобанов.

– Да. Второй рукав отделился чуть раньше. Он погибается вот так и проходит между Императорским хребтом и Гавай-

ями. Он с запада обтекает Гавайи. Поэтому мы можем просто лечь в дрейф. Когда дойдём до этого течения...

– Калифорнийское течение называется, – вновь уточнил штурман.

– Да, Вадим, но не перебивай. Когда дойдём до него, то ляжем в дрейф. На крайняк, пойдём в тихом режиме и атакуем с юга. А если бы мы шли с севера, то попали бы в противоход другому тёплому течению. Понял да, Зименко? И ещё. Если бы мы атаковали по твоему плану, то не могли бы использовать течения – оно вообще работало бы против нас. Тогда или уходить на запад, к Америке, или плыть против течения. Продолжай, Вадим Григорьевич.

– Да. Только уточню немного. Северо-Тихоокеанское течение, в котором мы пока находимся, медленное, до полуметра в секунду, не более. Калифорнийское, огибающее Гавайи, чуть пошустрее, но сильно поверхностное. Если его использовать, то придётся держаться не глубже пятидесяти-семидесяти метров. В принципе, метеорологические условия это позволяют пока, но это очень условное «пока». Связи с нашими спутниками нет, но БЧ-4 во главе с капитаном третьего ранга Шабалиным Артёмом Максимовичем таки предоставила нам сводку с постороннего спутника. К сведению её принять можно, хотя и с некоторыми ограничениями. Когда мы сейчас всплывали, все почувствовали качку, да? В районе нашей предполагаемой атаки тоже будет штормить, правда, не с такой силой. Волнение моря ожида-

ется шесть-семь баллов, облачность до восьми-девяти баллов, а сила ветра не более семи баллов; штормовой циклон идёт навстречу нам, то есть с востока. Направление ветра, кстати, в районе предполагаемой атаки будет тоже восточным. Вот основные сведения от БЧ-1.

– Спасибо, Вадим Григорьевич, – поблагодарил Лосев штурмана. – Как видите, товарищи офицеры, погода нам на руку. Облачность сковывает возможности авиации и орбитальных аппаратов противника, волнение моря затрудняет противолодочникам гидролокацию. Хотя для нас тоже есть препятствия. И тут на БЧ-7 особая ответственность. Синецын, Гуревич, слышите? Вы должны показать всё, что можете. Из аппаратуры тоже выдавливайте все возможности.

Командир БЧ-7 Синецын и его помощник Гуревич понятно кивали Лосеву. Оба офицера были весьма опытными. Синецын Андрей Андреевич, получивший звание капитан третьего ранга накануне похода, имел боевую награду за отлично выполненную работу на специальном задании и собирался вскоре поступать в Военно-морскую академию. Старший лейтенант Давид Гуревич служил прежде на подводной лодке проекта 955 «Борей»: спокойный, сосредоточенный, он рассматривался всеми как будущий командир БЧ-7, который сменит Синецына.

– Мы должны вовремя обнаружить противника... теперь, наверное, можно говорить прямо – врага... Вовремя обнаружить врага, определить численность ближайшей авианесу-

щей группировки, классифицировать в ней цели. Но на первом этапе важно подобраться незаметно. Андрей Андреевич, тебе ведь приходилось подходить к авианосцу на дистанцию поражения торпедой, а потом уходить незамеченным?

– Так точно, – кивнул Синицын.

– Условия были примерно такие же. А если один экипаж сумел, то чем мы хуже? Тем более и там была лодка нашего проекта.

– Нет, ну условия были другие. Тогда авианосец шёл с небольшой группой obsługi...

– Тем не менее, задача перед нами стоит: уничтожение авианосца, уничтожение максимально возможного количества кораблей его охранения и сопровождения.

После этого Лосев подробно раскрыл подчинённым свою задумку.

Погодные условия действительно благоприятствовали выполнению задачи, но командир, произнося ободряющие слова, прекрасно понимал – выполнить её будет крайне сложно.

Оборона авианосной группы эшелонированная, простирается на десятки и даже сотни миль. Первую опасность в этих оборонительных эшелонах несут спутники и самолёты дальнего обнаружения. Но их возможности как раз и скованны погодными условиями. Хотя оборудование орбитальных аппаратов позволяет следить за подводной лодкой, идущей даже на довольно большой глубине, облачность в че-

тыре-пять баллов в сочетании с курсовым маневрированием корабля даёт возможность уйти от наблюдения. Самолёты ДРЛО⁹ подлодку могут обнаружить если она использует радиоизлучающие устройства и при этом находится у поверхности.

Значительно большую угрозу представляют радиолокационные, гидроакустические и магнитометрические буи, которые сбрасываются в воду с самолётов типа «Орион» на дистанции уже в сто миль от головного корабля группировки. Но и эти помехи можно пройти незаметно при достаточно сильном волнении водной массы, и если лодка идёт на большой глубине.

Уже на дальности в пятьдесят миль могут выставляться в охранение надводные корабли противоракетной и противосамолётной обороны. Среди них находятся также корабли противолодочной разведки, которые используют активную гидроакустическую и радиоволновую локацию. На этой дистанции применяются и вертолёты, оснащённые сбрасываемыми активными и пассивными буями.

Следующий эшелон защиты из кораблей противовоздушной и противолодочной обороны располагается в пятнадцати-двадцати пяти милях от авианосца. На некотором отдалении от авианосца может находиться группа кораблей ложного ордера, создающая помехи и отвлекающая внимание от флагмана.

⁹ [9] Самолёты ДРЛО – самолёты дальнего радиолокационного обнаружения.

Кроме всего перечисленного, в ближних от авиагруппы водах несут дежурство подводные лодки врага. Они могут время от времени всплывать, или отправлять на поверхность малоразмерные радиобуи, чтобы без применения средств подводной связи, в том числе системы «свой-чужой», сообщить оперативному командованию о собственном местонахождении. Перед противником они стараются не обнаружить себя: ни активной эхолокацией, ни радиопередачами, ни шумом механизмов.

Вот такую эшелонированную оборону намеревался преодолеть со своим экипажем Лосев. Можно выстрелить ракетами и с расстояния сто восемьдесят миль – но это выстрел наобум. Даже если бы плохая видимость и облачность помогли ракетам без своевременного обнаружения долететь до основного ордера, была очень большая вероятность, что целями стали бы второстепенные корабли. Надо подойти ближе – чтобы уж наверняка определить мишени. И Лосев хотел нанести комбинированный удар ракетами и торпедами.

План командира Лосева был нарушен сообщением от БЧ-7 примерно через час:

– Пеленг сто три градуса, шум винтов, цель одиночная, надводная. Интенсивность шума медленно увеличивается.

Лодка шла на глубине четыреста восемьдесят метров, бук-

сируя антенну гидроакустического комплекса «Скат».

Следующий доклад спустя несколько минут:

– Поправка. По пеленгу сто три градуса цель групповая, надводная.

Прошло ещё некоторое время и по характеру, количеству и расположению источников шума стало возможным уверенно определить в них авианосную ударную группу, идущую сложным кильватером¹⁰. Обработав данные, получили примерную дальность – более ста миль. Дистанция сокращалась. Похоже, выполнив определённую задачу, группировка двинулась на запад, чтобы занять позицию ближе к берегу. Может быть, теперь её целью было подавление российского тихоокеанского флота или уничтожение объектов на суше (к примеру, на Камчатке, в восточной Сибири), или АУГ просто уходила от удара возмездия. В любом случае, данные о местонахождении противника устарели несколько часов назад, а его эшелоны обороны перестроены в походный порядок.

Антенна «Ската» также обнаружила подводную цель на дальности около трёх десятков миль, двигавшуюся почти под прямым углом к курсу «Кота», удаляясь. Видимо, это была субмарина из сопровождения авианосца. На таких дальности, скорости и курсе она не представляла угрозы российской подлодке, следовало лишь держать её в поле зрения.

Лосев теперь постоянно находился на ГКП. Экипаж занял

¹⁰ [10] Сложный кильватер – строй кораблей.

места согласно расписанию по боевой тревоге. Вскоре удалось подтвердить классификацию основных целей, определили и главную – авианосец под номером 75, «Гарри Трумэн». Характеристики шумов имелись в каталогах БИУСа подлодки, поэтому были опознаны и некоторые из кораблей сопровождения. Здесь был командный ракетный крейсер «Анцио», чей боевой девиз – «Компетентность, Самоотверженность, Дисциплина», эсминцы «Бейнбридж», «Болкли», «Гонзалес», а также «Грейвли», известный тем, что этот громадный боевой монстр пытался теснить в открытом море сторожевик «Ярослав Мудрый». В общем, на курс одинокой российской подлодки вышла восьмая авианосная ударная группа флота Соединённых Штатов Америки.

Корабельная связь безостановочно доносила в Центральный доклады и репетовки:

- Пеленг девяносто семь градусов, цель надводная.
- По пеленгу сто один градус активная локация, источник близко к поверхности, предположительно – авиационные буи.
- Проверить данные по пеленгу цели номер один.
- Есть, проверить данные по пеленгу цели номер один!
- По пеленгу девяносто восемь градусов наблюдаю сигнал: короткий, периодический; предположительно – сбрасываемый авиационный радиогидроакустический буй.

Командир то и дело совещался с офицерами, выслушивая их соображения, прикидывая варианты. Пока экипаж следо-

вал разработанному ранее плану, но вместе с тем появились новые возможности.

Во-первых, несколько снизилась опасность обнаружения подводными лодками врага – они, скорее всего, находились за кормой «Кота» и их внимание было сосредоточено в другой стороне. Обнаруженная субмарина находилась под наблюдением, но она вскоре удалится на такое расстояние, что приборы перестанут её обнаруживать. В то же время «Кот» находился для неё в «тени» шумов авианосной группы. Во-вторых, основная поисковая активность противолодочных кораблей сосредоточилась на направлении движения ордера – в этих условиях появилась возможность уйти в сторону, а потом зайти в тыл группировки. Хотя тогда надо было бы перейти на полный ход, а это – повышенная шумность. В-третьих, теперь в качестве первого удара можно использовать мины, поставив их на пути главной цели. Это и было самым привлекательным.

Однако авианесущая группировка двигалась не прямолинейно. Уже через пару минут после обнаружения «Трумана» акустики докладывали, что тот сменил курс, следом – скорректировали курс и корабли сопровождения. Скоро авианосец вновь меняет направление движения. За ним, с некоторой задержкой, – поворачивают остальные корабли группировки. Авианосец и обслуга маневрировали с целью уклонения от атак подводных лодок. Отклонение от генерального курса незначительное, тем не менее, у нашей подлодки могло

просто не хватить запаса мин, чтобы перекрыть сектор курсовой вариации, а одной и даже двумя минами невозможно пустить на дно американский авианосец. Можно на время вывести его из строя, заставить снизить скорость, но уничтожить... для этого надо больше боеприпасов. Или невероятное везение.

И всё же вариант с установкой мин на пути авианосца был очень привлекательным. В арсенале подлодки имелись новейшие дрейфовые минно-торпедные комплексы «ПМК-3Г» питерского завода «Двигатель». Их можно было запустить на дальность до двадцати пяти миль и задать глубину погружения. Мина дрейфовала на глубине от тысячи до полутора тысяч метров при помощи основной гондолы с гелием и регулировочной. На меньших глубинах, до километра, комплекс якорится ко дну, задаётся режим активации, и компактный микропроцессор вычисляет угол опережения, получая координаты цели от пассивного гидролокатора. Имея каналы электромагнитного и гидродинамического реагирования, комплекс (как в глубинном, так и в обычном исполнении) мог выбирать цель из акустических профилей, заранее введённых в каталоги вычислительного устройства. На дистанции поражения комплекс переходил в режим ракето-торпеды. Но это ещё не всё...

В «ПМК-3Г» отечественная инженерная мысль впервые воплотила идею «умного минного поля», когда все боевые единицы заграждения в автоматическом режиме оповеща-

ются об атаках цели. Она атакуется одной, двумя или тремя мино-торпедами, в зависимости от запрограммированного алгоритма атаки. Мина, первой обнаружившая цель, сигналом активирует другие устройства и передаёт им данные по мишени, после чего происходит самонаведение и выстрел малогабаритных торпед. Такие минные поля могут включать в себя донные автономные аппараты координации работы минного заграждения (АКМЗ – автономный контроллер минных заграждений), способные мобильно восполнять использованные боеприпасы, или плавучие координаторы-ретрансляторы, в виде бакенов и буёв.

Принятие на вооружение флота «ПМК-3Г» добавляло возможности, которые меняли тактику боя подводных лодок. Мина может выпускаться из торпедного аппарата, не производя сильного шума, а в режиме реверса корабля и вовсе практически бесшумно. «ПМК-3Г» не только несла смертельную угрозу с глубины в полтора километра, но в случае преследования, например следящей вражеской субмариной и надводным противолодочным кораблём, заставила бы преследователя обходить мину или даже раскрывать своё присутствие средствами противодействия торпедным атакам – ведь в отличие от торпед мина несёт отсроченную смертельную опасность.

Менее чем через час, когда авианосец и остальные корабли группировки сделали по несколько манёвров, стало очевидно: флагман не выходит за пределы курсового коридора шириной в три мили. К этим данным добавлялись результаты наблюдения за обнаруженной ранее американской субмариной, которая двигалась прямолинейно. В сумме эти сведения позволяли довольно точно определить генеральный курс авианосца, а это давало возможность установки мин на его пути.

Авианосец «Гарри Труман» был уже в шестидесяти семи милях от подлодки, когда Лосев решил ставить минное заграждение. Координаты наиболее подходящего места были вычислены за минуту до этого. На борту «Кота» имелось десять мин «ПМК-3Г» – командир отдал приказ установить шесть. Закипела работа в первом отсеке. В электронно-вычислительный блок каждой мины были введены акустические профили судовых типов, установлены режимы активации. Из двух торпедных аппаратов были выгружены самонаводящиеся торпеды, загруженные по тревоге как боеприпасы первой очереди, а их место заняли мины, запрограммированные на уничтожение авианосца.

Свернули антенну «Ската», после чего боцман отклонил вертикальные и горизонтальные рули. Вскоре «Кот» шёл

на глубине пятьсот тридцать метров, под углом сорок пять градусов к генеральному курсу авианосца. До назначенного места установки надо было пройти более десяти миль.

На ГКП и в отсеках чувствовалось сильное напряжение. Ожидание... ожидание схватки и решающего момента.

– Цель по левому борту, одиночная, пеленг сто восемь градусов, классифицирована как грузовой транспорт большого водоизмещения, танкер.

– Вас понял, продолжайте наблюдение.

– Центральный, докладывает командир минно-торпедного дивизиона капитан-лейтенант Вдовин. Минно-торпедные комплексы снаряжены, проверены, личный состав и оружие к бою готовы.

– Отлично, Вдовин. Ждите команды.

Вышли на точку установки минного заграждения. Сбавляя ход, лодка выпустила три снаряда на заданную дальность. Затем, разворачиваясь, отстрелялась ещё тремя. Расположение мин напоминало перекрестие. Они опустились на глубину в тысяча двести метров, где открылись краны, пускающие газ в гондолы. Пока накачивалась основная гондола, мины продолжали углубляться по инерции, до отметки полтора километра, где зависали и, путём стравливания и закачки газа в дополнительную гондолу, удерживались на заданной глубине. Здесь мина, медленно сносимая течениями, сможет оставаться до пятидесяти часов в ожидании цели – на такой срок рассчитаны её ресурсы, – после чего должна

быть выловлена или самоуничтожиться.

Манёвры подводной лодки были сопряжены с опасностью обнаружения, потому что приходилось подставлять под основной вектор возможной локации большую площадь корпуса и винты. По этой причине Лосев направил лодку к месту установки заграждения не перпендикулярно движению авианосной группы, то есть самым коротким путём, а под углом сближения сорок пять градусов. Впрочем, на скрытность тут ещё работали дальность и тёплое течение: лодка находилась ниже основной массы этого течения, в холодных водах, а сигналы систем активной гидролокации сильно рассеиваются на границе разнотемпературных и неравносолёных (то бишь, разных по плотности) водных масс. Помогал и тайфун бушующий над океаном – сотни тысяч тонн влаги, проливающейся каждую минуту из облаков, заметно опресняли воду у поверхности. Это явление ещё и прибавляло пару сантиметров осадке крупных надводных судов.

Выставив заграждение, «Кот» взял курс на запад, к подводным горам Императорского хребта. Двигаясь задним ходом, лодка должна была удалиться на восемь миль и подняться на отметку четыреста пятьдесят метров.

Экипаж готовился к двум вариантам действий. Если группировка, сблизившись с подлодкой, «нащупает» её до входа в зону минного поражения – а вероятность обнаружения крайне высока на дистанциях менее двадцати миль до кораблей с противолодочной аппаратурой, – то субмарина от-

кроет огонь телеуправляемыми торпедами, затем выпустит шумоимитатор и начнёт уходить реверсом на малом ходу. Так лодка, имеющая пусковые установки в носовой части, сможет отстреливаться торпедами и выставять мины. Уход с дифферентом на всплытие позволит, по достижении необходимой глубины, открыть огонь ракетами. Хотя офицерами «Кота» план отхода просчитывался, шансов уцелеть в такой ситуации почти не было.

Согласно второму варианту, подлодка, затаившись, дожждётся срабатывания минного заграждения, после чего нанесёт удар торпедами по заранее выбранным целям (не более пяти) и попытается незаметно уйти на малом ходу. Второй вариант не предполагал использование режима повышенного тепловыделения ядерного реактора, но если возникнет необходимость, то выйти на этот режим может и не хватить времени.

Дистанция и глубина рассчитывались исходя из возможностей оружия. Если для лодки наиболее безопасными были большие глубины и максимальная удалённость от цели, то для боеприпасов требовались определённые условия применения. Например, на борту имелись противолодочные ракеты пускового калибра 650 мм комплекса «Ветер», но запускались они с глубины не более ста метров. То же и противокорабельные ракеты «ЗМ-54» калибра 533 мм: они отстреливались примерно с такой же глубины и при волнении моря не более пяти баллов, а полноценно отработать на конечном

отрезке атаки могли, если вблизи цели стихия не превышала семи баллов. Получается, что на малых дистанциях, на которых врагу сложно отбить ракетную атаку ввиду нехватки времени, эти снаряды применять весьма рискованно, потому что подвсплытие на малую глубину наверняка приведёт к демаскировке, а после атаки – осложнит уход от преследования. По одиночному судну можно рискнуть ударить ракетами с расстояния в несколько миль, но против группы придётся действовать с удаления в десятки миль, а значит, реактивные снаряды наверняка будут сбиты средствами противовоздушной обороны. Ракет, отстреливаемых даже в пусковых контейнерах, на глубине четырёхста – шестисот метров на вооружении российского флота нет. Не было на подлодке и гиперзвукового оружия, хотя о нём разговоры шли давным-давно.

В арсенале подводной лодки было восемь ракет комплекса «Ветер» и две усовершенствованные торпеды модели «65—76» – это под стрельбу из пусковых аппаратов калибра 650 мм. Для выполнения специальной задачи на борту разместили глубоководные изделия для длительных поисково-разведывательных работ, выпускаемые из тех же торпедных установок. Таких изделий было два, с ними работала пара специально зачисленных в экипаж инженеров.

Под торпедные аппараты калибра 533 мм арсенал был укомплектован минами «ПМК-3Г» (десять штук), двумя торпедами «ТЭ-3» и четырьмя – «Футляр», новейшей моди-

фикации с возможностью «тихого» старта, восемью ракетами комплекса «Калибр», из них четыре противокорабельные «ЗМ-54» и четыре – «ЗМ-14», для поражения наземных целей. Кроме того, имелось две ракеты «ЗМ-14», снаряжённых термоядерными блоками мощностью в сто килотонн. И, наконец, на борту размещались шесть самоходных аппаратов гидроакустического противодействия калибра 533 мм: четыре типа «Бериллий»¹¹, последней модификации, и два «Бериллий УН», несущих в своём облегчённом корпусе миниатюрные дрейфующие приборы «Вист-2М».

Совсем недавно боекомплект пополнился новым классом оружия – противовоздушными минами «чинарик», как неформально называли их подводники. А официально – автономная плавающая зенитная установка «Чинар».

Подводная лодка совершенно не прикрыта от авиации и ракет, поэтому на «Чинары» у экипажа была особая надежда. АПЗУ представляла собой контейнер с четырьмя противовоздушными ракетами комплекса «Верба». Установка имела функции сетевого обмена данными, чтобы цели не обстреливались более чем двумя ракетами одновременно, могла отличать воздушные цели от над- и подводных, начинялась зарядом для самоподрыва, а также устройством кодового доступа и дистанционного управления.

¹¹ [11] «Бериллий» – самоходный многоцелевой автоматический прибор гидроакустического противодействия калибра 533 мм; модификации прибора имеют буквенные индексы в наименовании.

«Чинары» были вполовину короче торпед того же калибра и в несколько раз легче, но в комплекте к ним шли сбрасываемые двигательные и утяжеляющие насадки, которые позволяли скрытно запускать зенитные мины на дальность до пятнадцати миль.

У нового оружия были и недостатки. В автономном режиме противоздушная мина могла сработать не только по вражеским ракетам и малым беспилотникам, не имеющим кодовых систем опознавания, но и по своим.

И всё же одинокой подводной лодке, не имеющей никакого прикрытия от авиации, противоздушная мина давала некоторую защиту.

С другим оружием тоже имелись подвижки в последние два-три года. После модернизации корабля появилась возможность практически бесшумного запуска торпед, особенно уместного при реверсном движении подлодки. Был определённый прогресс и в телеуправлении, хотя российский флот всё ещё отставал от противников.

Обстоятельства предстоящего боя пока благоволили экипажу «Кота». Шум стихии, бушевавшей в этом районе, а также шум самой авианосной флотилии не позволяли врагу засечь русскую подводную лодку на дальней дистанции. Скачки плотности, подводные возвышенности позади по курсу, завихрения и расслоения течения в прихребтовой зоне создавали серьёзные преграды для гидроакустической локации и, как следствие, для обнаружения подлодки.

В то же время имелись трудности и у неё. Скажем, здесь, на удалении от суши, не было «жидкого грунта»¹², как в Северном Ледовитом океане, коим часто пользовались российские подводники. Течения сильнее, чем на севере, и заметно сносили корабль на малом ходу. Вообще в этом районе было сложно придерживаться курса из-за многих факторов, а серьёзных гидрологических исследований, в контексте обеспечения скрытной деятельности подводных лодок, Россией тут не проводилось.

От заместителя командира БЧ-5 Шария поступило тревожное сообщение: «Течь в румпельном отсеке». Начали разбираться. Течь оказалась не сильной: по сути, вода каплями просачивалась из привода кормового руля. Командир был в курсе – время от времени она наблюдалась и раньше, соответствующие записи вносились в вахтенные журналы, а также в лист требований ремонтных работ. Похоже, ремонтники не справились с проблемой. Хотя доклад из румпельного отсека не вызвал видимой нервозности, не известно, что случится, когда гидравлика перейдёт в режим работы

¹² [12] Жидкий грунт – слой водной толщи, плотность которой выше, чем прилегающих слоёв. Позволяет дифференцированной лодке длительное время находиться в равновесном и неподвижном (относительно слоя) состоянии. Снижает возможность обнаружения.

рулей на полном ходу или противник использует глубинные боеприпасы.

Акустики доложили, что в шести, девяти кабельтовых перед авианосцем идут два корабля. Идут прямо, не совершая манёвра противолодочного уклонения, один из них на пару кабельтовых впереди, а расстояние между ними полтора градуса. Уточнили данные по генеральной скорости авианосца: примерно двадцать два узла. Это означало, что он идёт на полном ходу. Также офицеры рассчитали очерёдность применения боеприпасов и изменение глубинно-дифференциальных показателей при стрельбе, потому что каждая из торпед имела вес около двух тонн.

И вот подлодка была уже в восьми милях от выставленного ею минного рубежа, то есть на предполагаемой позиции засады, а авианосная группа давно находилась на дистанции поражения телеуправляемыми торпедами, и приближалась к зоне, в которой должны были сработать мины.

Внезапно поступил доклад от поста радиотехнической боевой части:

– БИП¹³, Центральный. Пеленг три градуса справа по борту, сигнал активных средств локации на частоте десять с половиной килогерц. Сигнал короткий. Сигнал потерян.

Лосев тут же связался с командиром БЧ-7 Андреем Сидниным.

¹³ [13] БИП – боевой информационный пост; одна из задач операторов поста – ввод в БИУС данных об обнаруженных целях.

– Засекли?

– Пока не могу сказать, – отвечал тот. – Но сигнал сильный. Если он отразился на локатор мощно, то сейчас начнут нас щупать на разных частотах. Это цель номер четыре, предварительно классифицирована как противолодочник, уточняем по признакам два и три.

– Давай, Андреич, слушай внимательней.

Прошло несколько минут, снова тревожная весть от радиотехнической боевой части:

– Пеленг три градуса справа по борту. Сигнал активных средств. Сигнал неустойчивый... Сигнал не обнаруживается.

Самые напряжённые мгновения. Засекут, сомнений почти нет. Сколько времени отпущено судьбой до этого момента? И вот звучат слова:

– Сигнал активной работы ГАС¹⁴ слева по борту, три градуса! Сигнал устойчивый, ритм чёткий с периодом ноль восемь секунды, на частоте три и три десятых килогерца. Справа по носу четыре градуса, сигнал активной работы ГАС. Сигнал широкополосный, чёткий, ритмический, с периодом ноль восемь секунды. Пеленг меняется вправо.

– Пеленг сигналов совпадают с координатами кораблей охранения главной цели: цели номер три и номер четыре. Цели классифицированы как эсминцы типа «Арлей Бёрк» третьей серии с ГАС.

– Расчётная дистанция до ближайшей цели (цель номер

¹⁴ [14] ГАС – гидроакустическая система.

четыре) шестьдесят восемь кабельтовых.

– Наблюдаю направленный постоянный сигнал на частоте два с половиной килогерца. Товарищ командир, мы обнаружены противником!

Словно расколосся прочный корпус и холодная беспросветная бездна хлынула в отсеки. Это не учения! Отбоя тревоги не будет. Обнаружены! Обнаружены не командой родного флота, и даже не потенциальным противником, а самым настоящим врагом. И пойдут сейчас к лодке не практические торпеды, а боевые, с сотнями килограммов взрывчатки!

Хотя, следуя первоначальному плану, Лосев должен был командовать «Пли!» расчётам торпедных аппаратов, какое-то наитие, какая-то ещё неоформленная мысль, не дали ему это сделать. Слишком просто, чересчур прямолинейно, незамысловато. Но и медлить было нельзя.

Повисшую на секунду тишину прервал голос командира:
– Экипаж, внимание! Мы обнаружены противником. Боевая тревога! Командиру БЧ-5, готовить реактор к работе на полном ходу и полной нагрузке на электромеханическую часть. ВИПС/ДУК¹⁵ товсь! БЧ-7, ГАС в активный режим! Данные по основным целям, для стрельбы, живо! БЧ-3, первый и четвёртый торпедные аппараты, согласно утверждённой очередности, товсь!

¹⁵ [15] ВИПСДУК – пусковая установка ВИПС предназначена для постановки средств оповещения и гидроакустического противодействия; ДУК – схожее с ВИПС устройство, но более широкого применения.

Пространство лодки наполнилось командами, репетовками, докладами. Лосев уже собирался дать команду «Огонь!» первому и четвёртому торпедным аппаратам, когда поступил доклад: «Пеленг справа по носу четыре градуса, сигнал на частоте семьсот тридцать мегагерц, двухимпульсный, короткий, сигнал завершён. По характеристикам соответствует запросному сигналу морских флотов НАТО».

Выслушав доклад и подумав секунду, командир приказал: – Продолжать наблюдение, – затем: – Прибор ГПД¹⁶ «Бериллий» приготовить к вводу данных. Пешков, принимай доклады. Шабалин, приготовь диктофон для записи сообщения.

Сам он схватил ручку с блокнотом и спешно внёс запись. Она гласила: «I am the captain Bharangita. My country ***¹⁷. We remain neutral. We ask you not to impede for us». После этого он быстро прошёл к посту связистов, взял протянутый ему микрофон.

– Тишина на БП¹⁸! Отключить на посту систему громкой связи, – скомандовал Лосев и дважды под запись зачитал текст. Разрешил включить громкую связь и приказал командиру БЧ-4: – Передать им через громкоговоритель два раза речью и дважды морзянкой.

¹⁶ [16] Прибор ГПД – прибор гидроакустического противодействия.

¹⁷ [17] Название государства автором умалчивается из моральных и политических соображений.

¹⁸ [18] БП – боевой пост; в данном случае, пост одной из групп БЧ-4.

Возвратившись на своё место, командир продиктовал параметры хода для аппарата-имитатора: от старта имитация выхода на полный ход – двигаться параллельно нынешнему курсу лодки пять кабельтовых – поворот вправо на девяносто градусов – одна миля хода с подъёмом на глубину двести пятьдесят метров – поворот на восемьдесят градусов вправо – держаться глубины и курса.

Пока всё это делалось, подразделение Синицына активной локацией получило точные сведения о курсе и местоположении основных целей авиационной группы. Данные были введены в БИУС, утверждены командиром и начали обновляться на торпедах. А дальше...

А дальше командиру докладывают, что с пеленга запросчика принято сообщение. Сообщение было коротким, всего два слова на английском языке. Это был приказ: «Ascend immediately!» – «Всплывайте немедленно!»

Командир тут же распорядился перевести ГАС в пассивный режим, удостоверился в готовности торпед – и дал команду «пуск» для аппарата-имитатора. Сразу после этого он вызвал по громкой связи командира БЧ-5:

– Котенко, приборы РЭБ пока не применять. Понял?

– Так точно.

– Чтобы все твои расчёты знали. ВИПС/ДУК держать наготове, но приборы РЭБ без моей команды не применять. Чтобы никто машинально не выпустил шумелку, ясно?

– Так точно, товарищ командир, без вашей команды

ВИПС/ДУК для постановки приборов РЭБ не применять.

Затем Лосев распорядился готовить второй имитатор, а для торпедных аппаратов №1 и №4 скомандовал: «Пли!» К авианосной цели ушли две телеуправляемые электрические торпеды. Сохраняя заданное выбрасывающим импульсом направление, они шли пока практически вслепую, так как акустическое поле почти полностью было забито шумом имитатора.

– Внимание! По местам стоять к всплытию! Боцман, всплывать на глубину полста метров, дифферент на нос десять градусов, – отдал Лосев приказание боцману Закрутову.

Пока первые торпеды догоняли и перегоняли «обманку», а та начала делать запланированный поворот, была введена программа во второй аппарат-имитатор «Бериллий». Приготовлены ещё две телеуправляемые торпеды: они предназначались для удара по ближайшим кораблям сопровождения авианосца, обнаружившим «Кота». Второй шумоимитатор, согласно введённой программе на тихом ходу должен был дойти до той точки, где совершал поворот первый аппарат, повернуть в другую сторону и, постепенно поднимаясь на глубину двести пятьдесят метров, пройти две мили, после чего перейти в режим воспроизведения полного хода подводной лодки.

Выстреляна вторая пара торпед! Через несколько секунд подлодка выпустила имитатор. Без промедления стали вводиться задания ещё в два прибора ГПД. В это же время

загружались в торпедные аппараты две противовоздушные мины. Они были запрограммированы так, чтобы не мешать стрельбам крылатыми ракетами, которые будут производиться с глубины пятьдесят метров, а именно: АПЗУ не будут учитывать высококонтрастные цели, набирающие высоту на дальности ближе трёх тысяч метров. Это означало, что стартующие «Калибры» будут безопасно покидать зону обстрела зенитных установок, а на дистанции более трёх километров стандартный алгоритм принятия решения об атаке исключит их из числа объектов, годных для обстрела. При этом используемые в «Чинарах» ракеты «9М336» будут готовы поразить цели, приближающиеся из-за пределов зоны ограничения и малоконтрастные объекты типа вертолёт или винтового самолёта.

АПЗУ готовы к использованию – об этом докладывают в Центральный из первого отсека. Для снаряжённых противовоздушными минами аппаратов Лосев командует: «Пуск!» – и зенитные установки уходят к поверхности. Через несколько минут они встанут на защиту экипажа от атак с воздуха. Теоретически они могут сбивать даже торпедоносные американские ракеты «Асрок», но реальную смертельную опасность противовоздушные мины несут авиации врага.

Кстати, когда Лосев недавно общался с инженерами, практиковавшими личный состав в использовании противовоздушных мин, то они ему по секрету рассказали, что идут

работы над расширением возможностей этого оружия. Так, например, предполагалось, что в ближайшем будущем АПЗУ смогут сбивать и объекты, спускаемые на парашютах.

Подошла очередь снарядов калибра 650мм. Два выстрела из торпедных аппаратов №2 и №3 – и модернизированные, мощные, самонаводящиеся, имеющие в памяти акустические профили восьми типов кораблей врага торпеды ушли – ушли сложным курсом на глубине шестьсот метров.

И вот, когда первая пара телеуправляемых подводных снарядов прошла немногим более половины своего пути, на ГКП вспыхнуло табло с надписью: «Осторожно, торпеда!». Через секунду последовал доклад радиотехнической боевой части: «Внимание! Пеленг полтора градуса слева по носу, угол уменьшается, шум скоростной торпеды, интенсивность шума не меняется».

Лосев скомандовал:

– Изображение на монитор в Центральный! – и рванулся к пульту акустика, что располагается рядом с постом рулевой группы.

Он надел наушники с микрофоном и чуть склонился к дополнительному монитору. На экране были видны полосы шумов главной цели и торпед, угол створения которых постепенно уменьшался. Торпеды шли в стороне от цели, что-

бы не закрыть её своим шумом, но в высокочастотном спектре они всё же сливались в пиксельной гуще. Отчётливо была видна отдельная короткая полоска, пересекавшая шкалу пеленгов и курсовых углов в верхней части экрана – она упиралась в отметку пеленга полтора градуса и восемьдесят семь градусов истинного курса подлодки.

В эти же мгновения за переборкой БЧ-7 Вадим Сеницын, поднимая предупредительно указательный палец левой руки, а другой рукой принимая листок с записями от командира вычислительной группы старшего лейтенанта Давида Гуревича, произносил:

– Сейчас. Вот, сейчас... сейчас... Так! Точно, это сработала наша мина! Вот ещё одна!

Теперь все могли видеть ещё одну удлиняющуюся полоску, только что появившуюся на экране чуть левее первой.

– Значит, сейчас ахнет? – спросил командир; лицо его в эти мгновения было совершенно хищным.

– Через несколько секунд, – Сеницын видел, что шум не нарастает, а из этого следовало, что объекты не приближаются. – Согласно этим вот данным и телеметрии с наших торпед получается, что это квадрат, где мы поставили мины. Дальность соответствует. Ну, они дрейфанули ещё в сторону авианосца... Через несколько секунд узнаем.

И ахнуло! А потом ахнуло ещё раз! И главный командный пункт сдавленно вскрикнул в единой эмоции, и поднялся десяток пар рук со сжатыми кулаками. Командир не удержал-

ся, тоже крикнул:

– Есть! – и двинул кулаком воздух, но... но тут же собрался и шикнул на подчинённых: Прекратить гвалт! Тишина!.. Мать вашу! Зарублю винтом! Через гальюн продую всех! Работать тихо. Это война, братцы! Продолжаем атаку!

Глаза командира блестели, хищное лицо выражало азарт.

Снова зазвучали доклады из отсеков, репетовки, переговоры офицеров на ГКП, короткие приказы. Помощник командира скоро вносил записи в вахтенный журнал, разносился монотонный голос одного из рулевых: «Глубина сто шестьдесят пять метров, глубина сто шестьдесят метров, глубина сто пятьдесят пять метров...»

– Эхолокация затруднена, наблюдается множественная работа средств гидроакустического поиска в активном режиме.

– Внимание! Для телеуправляемой торпеды номер один цель прежняя, главная. Телеуправляемую торпеду номер два выводить на цель номер четыре, пеленг три градуса, эсминец типа «Арлей Бёрк».

– Есть выводить торпеду номер два на цель номер четыре, надводную!

– Для телеуправляемой торпеды номер три задать цель номер шесть, по пеленгу пять градусов, слева по борту.

– Есть выводить торпеду номер три на цель номер шесть, надводную!

– Внимание! Телеуправляемую торпеду номер четыре ве-

сти к цели номер семь, по пеленгу два градуса слева по борту.

– Есть вести четвёртую телеуправляемую торпеду к цели номер семь!

– Глубина сто пятьдесят метров.

– Товарищ командир, шум винтов главной цели не обнаруживается.

– Точно попали. Может, они заглушили оба реактора? Удерживайте контакт, там других шумов должно быть много.

– Телеуправляемая торпеда номер один потеряла гидроакустический контакт с целью.

– Телеуправляемую торпеду номер один вести на ручном управлении к последним координатам главной цели.

– Включился режим имитации аппарата ГПД номер два. Пеленг по курсу соответствует программной установке.

– Реактор набрал восемьдесят процентов тепловой мощности. Все системы энергетической установки в норме. Ориентировочно, время набора полной тепловой мощности четыре минуты.

– Глубина сто сорок пять метров.

Кипела работа и в первом отсеке, где готовились к пуску две последние торпеды калибра 533мм. Ещё два торпедных аппарата этого калибра принимали противокорабельные ракеты «ЗМ-54», для удара по сторожевым единицам вражеского ордера. Планировалось ударить шестью ракетами, а две сохранить про запас, на случай преследования лод-

ки или ещё какой-либо неожиданной ситуации. А вот минно-торпедные устройства команда должна была выставить по окончании атаки: имелась очень большая вероятность, что они найдут себе достойную цель, когда враг начнёт прочёсывать этот район.

Ко всему прочему готовились к запуску оба поисково-разведывательных аппарата. Командир собирался запустить аппараты в сторону ордера в качестве обманок, потому что их можно было принять за подводных роботов или, если очень повезёт, даже за торпеды – правда, они сильно уступали в скорости любой торпедой.

От акустиков поступил доклад: по пеленгу минного заграждения появилось несколько источников шума. Предположили, что это супостаты задействовали средства гидроакустического противодействия. Шум самой вражеской армады значительно ослаб: похоже, корабли легли в дрейф или снизили ход до малого. Признаков обнаружения «Кота» пока не было – всё-таки сработали отвлекающие манёвры, хотя усиленный поиск вёлся, о чём свидетельствовали сильнейшие помехи. Но вскоре враг очухается и перейдёт от хаотичного барахтанья в собственном эхе к планомерному сканированию с одного или двух кораблей, наиболее приспособленных для противолодочной борьбы. И ещё не сказала своего слова авиация. Каковы бы ни были метеоусловия, но самолёты и вертолёты будут вести охоту за подлодкой, если ещё не начали её. Возможно, выведение из строя авианосца со-

здаст сложности, так как ему надо держаться должным образом относительно направления ветра и не выходить за пределы определённого угла крена, но ведь есть ещё корабли охранения с палубными вертолётами. Вероятно и подключение авиации со стороны. Впрочем, если отработают противовоздушные мины – так, как этого от них ожидают, – авиация надолго уйдёт с горизонта.

Акустики понемногу приноровились к хаосу шумов, варьируя частоты прослушивания. Судя по показаниям приборов, сработали ещё две противокорабельные мины, но скорее всего они среагировали на вражеские имитаторы. Наконец первая телеуправляемая торпеда вышла на дистанцию самонаведения. И сразу же захватила цель вторая торпеда. Раздался один взрыв... другой! Если верить показаниям приборов и раскладам штурманской группы, координаты взрывов совпадали с расчётными координатами авианосца и одного из эсминцев. Два попадания!

Однако через несколько секунд на ГКП поступило неприятное сообщение: кабели второй пары телеуправляемых торпед перехлестнулись, видимо, со сброшенными кабелями первой пары – одна из катушек застопорилась, по другому кабелю связь была потеряна. Пришлось прервать ручное управление до выхода торпед в зону самонаведения, то есть без задания конечного курса к цели.

Последовал новый шквал помех: враг задействовал следующую очередь приборов гидроакустического противодей-

ствия. Лодка к этому времени вышла на глубину пятьдесят метров и боцман начал дифференцировать подводный крейсер.

Раздался ещё один взрыв. Невероятно, но одна из торпед второй пары нашла себе жертву! Торпеда №4 поразила не «свою» цель, а соседнюю – №6. Во всяком случае, пеленг взрыва совпадал с пеленгом одного из вражеских кораблей. Кроме того, согласно докладу оператора торпеды, её курс в момент обрыва связи, как раз лежал к этой цели.

Ещё гидроакустики засекали эхо взрыва, предположительно произошедшего там, где должен был находиться в это время второй имитатор. Это уже враг перешёл к активным действиям.

Торпеды третьего залпа, калибра 650мм, прошли большую часть дистанции на малом ходу, то есть в скрытном режиме, но теперь двигались на полной скорости и вот-вот ожидалось срабатывание их систем самонаведения.

Лосев должен был дать команду для выстрела ещё двумя торпедами, но он дал отбой и приказал заменить их ракетами, чтобы выстрелить двумя залпами по четыре реактивных снаряда. Применять торпеды не было смысла – корабли противника легли в дрейф или двигались на самом малом ходу, ими наводились очень сильные помехи. В связи с предполагаемым манёвром лодки и обстоятельствами данного момента исключалось и телеуправление.

Торпеды были извлечены и из первого отсека последовали соответствующие доклады. Были определены цели, обра-

ботаны в БИУСе, утверждены командиром и внесены в электронно-вычислительные блоки ракет, оставалось лишь загрузить их в торпедные аппараты и нажать кнопку пуска. На загрузку боевых изделий в аппарат уходит около двух минут.

– Ракетная атака! – прозвучал приказ командира, когда из первого отсека доложили о проведённой замене. – Торпедные аппараты номер один, два, пять, восемь товсь! ВИПС/ДУК товсь!

В этот раз стрельба будет сопровождаться запуском дрейфующих многоцелевых приборов гидроакустического противодействия. Два прибора должны будут создавать помехи для вражеской обнаруживающей аппаратуры, а два запрограммированы для отведения самонаводящихся торпед. Вслед за этим с небольшим интервалом уйдут на поверхность две пары приборов, подавляющих радиосвязь между акустическими буями и противолодочной авиацией.

– Пли!

Кнопка нажата, и с заданной очерёдностью, с интервалом в несколько секунд, ракеты стали покидать чрево подводного крейсера. После каждого пуска лодка вздрагивала, потом её нос чуть поднимался, слышался гул, и тело корабля мелко дрожало.

Но в первом отсеке, где было шумно и пахло ружейной смазкой, люди не чувствовали дрожи корабельного тела, хотя явно ощущали, как нос лодки, избавившись от нескольких

тонн смертоносной массы, спружинил, поднялся. Это особенно сильно ощущалось теперь, после того, как лодка некоторое время шла с креном на нос. Вместо ушедших к целям ракет в торпедные аппараты сразу же загружали новые реактивные снаряды. Люди перекрикивались, обстановка была нервной. Из присутствующих здесь только три человека – командир ракетного дивизиона Рукоделов, командир минно-торпедного дивизиона Вдовин и старшина Гатауллин – участвовали в пусках боевых ракет, а остальные производили пуски только на тренажёрах или отстреливали из торпедных аппаратов болванки.

Тем не менее личный состав дивизионов справлялся. Полётные программы офицерами вводились без задержек, матросы заученными движениями, хотя временами слишком резкими, открывали и закрывали вентили, крышки, поворачивали рычаги приводов. Вторая очередь ракет комплектовалась двумя единицами «ЗМ-14» и двумя «ЗМ-54». После них в торпедные аппараты загрузят всплывающие зенитные установки «Чинар», затем – мины «ПМК-3Г».

На ГКП тоже было напряжённо: голоса звучали громче и резче обычного. Враг уже начал действовать. Пока работают запущенные «шумелки» и режут стартовые двигатели всплывающих ракет, тянутся несколько очень неприятных минут: практически нет возможности услышать подходящую малозумную торпеду или отследить движение вражеских кораблей.

Можно не сомневаться, что весь экипаж чувствовал бы себя куда как тревожнее, если не было бы защиты с воздуха «Чинарами». Возможно, в это время вертолёты противника сбрасывали бы поблизости самонаводящиеся торпеды. Большая опасность была в том, что лодка ушла недалеко от места, где её обнаружил враг и откуда началась атака – она отделилась всего лишь на полторы мили. При этом датчики систем самонаведения новейших американских торпед обнаруживали малозаметные объекты, вроде нашей подводной лодки, по меньшей мере за пять миль, при благоприятных гидрологических условиях. А если предположить, что вертолёт или самолёт, направляющийся к месту обнаружения лодки, к своему счастью не успевает сбросить торпеды в заданных координатах и обнаруживает пуск ракет?.. Пилот уже через минуту мог бы нажать кнопку сброса прямо над рубкой «Кота». В таком случае у экипажа не было бы ни единого шанса для спасения. Да, это большая удача и фора, что на борту «Кота» есть оружие, которого нет у врага, – оружия, которое защищает его в воздушном пространстве.

– Держать глубину полста метров!

– Есть держать глубину.

– Первый торпедный аппарат к бою готов! Второй торпедный аппарат к бою готов.

– Вас понял. Ждём готовности пятого и восьмого.

Сразу после пуска ракет лодке предстояло совершить резкий разворот почти на сто восемьдесят градусов.

Прошло чуть больше минуты.

– БЧ-3 к пуску ракет готов!

– Внимание! Ракетная атака! Первому, второму, пятому, восьмому торпедным аппаратам... пли!

И вновь на пульте управления ракетно-торпедными пусками офицер нажал кнопку. Вздрагивание, гул, едва заметная дрожь корпуса – но матросы уже готовили следующие снаряды. Сначала будут отстреляны АПЗУ, потом – оставшиеся четыре глубинных мины. Тем временем выпущены ещё четыре пары малогабаритных прибора ГПД для создания шумовых помех и отведения торпед.

Неутомимые трудяги электромеханической боевой части в это время удерживали корабль на заданной глубине, отслеживали заполнение балластных цистерн, положение рулей, перезаряжали трюмные пусковые установки и выполняли ещё много других действий, благодаря которым могли без лишних трудностей делать свою работу, торпедисты, ракетчики, связисты, акустики, штурманы.

– Аппарат-имитатор номер три «Бериллий», пуск!

– Аппарат-имитатор номер три выпущен.

– Приготовить к пуску четвёртый «Бериллий».

– Есть приготовить четвёртый «Бериллий».

– Торпедные аппараты номер пять и восемь зарядить автономными плавающими зенитными установками. Торпедные аппараты номер один и четыре приготовить к пуску самодвижущихся глубоководных мин.

Истекла минута и поступил доклад о готовности торпедных аппаратов к пуску АПЗУ.

– Пятый и восьмой торпедные аппараты, пли!

В этот раз срабатывание торпедных аппаратов никак не ощущалось. О том, что установки ушли к водной поверхности, можно было узнать лишь по рапорту из первого отсека

– Торпедные аппараты помер пять и номер восемь отстрелялись и свободны.

– Пятый и восьмой торпедные аппараты зарядить глубоководными самодвижущимися минами.

– Есть зарядить глубоководными...

Время летит быстро для тех, кто выполняет приказ, и медленно тянется для отдающих распоряжения из командного пункта.

– Расчётам первого, четвёртого, пятого, восьмого торпедных аппаратов, приготовиться к пуску самодвижущихся глубоководных мин!

Ожидание, потом с нижней палубы поступает доклад:

– Первый, четвёртый, пятый, восьмой торпедные аппараты к пуску мин готовы.

– Внимание! Торпедная атака! Командиру минно-торпедного дивизиона, произвести пуск самодвижущихся глубоководных мин!

– Есть произвести пуск самодвижущихся глубоководных мин.

С небольшим интервалом самоходные мины покидали

чрево корабля и занимали позиции на пути вероятных преследователей. Торпедные аппараты тут же готовились к загрузке очередными боеприпасами.

– Экипаж, внимание! Приготовиться к резкому повороту. Боцман, лево на борт, вертикальные рули до упора!

– Есть, лево на борт, рули до упора.

– Встать на курс двести шестьдесят!

– Есть.

Лодка прекращала движение реверсом, разворачивалась.

– Прибор номер три «Бериллий», начал выполнять программу имитации.

– Отлично. Приготовиться к запуску имитатора номер четыре.

– Есть приготовить к запуску «Бериллий» номер четыре.

– Докладить о готовности разведывательных роботов.

– Ходовые программы в роботы ведены, роботы в торпедные аппараты загружены, торпедные аппараты номер два и три к бою готовы.

– Для первого робота... пуск!

– Есть пуск!

– Товарищ командир, курс двести шестьдесят.

– Стоп машина! Держать курс.

– Есть стоп машина. Вертикальные рули прямо.

– Внимание! Приготовиться к погружению.

– По местам стоять к погружению.

Идут доклады, но, не дожидаясь их окончания, Лосев командует:

– Полный вперёд! Курс двести шестьдесят, дифферент на нос три градуса, погружаться на глубину двести пятьдесят метров!

Огромный винт начал набирать обороты, рассекая воду продолговатыми лопастями, толкая подводный крейсер вперёд и в глубину. Ещё минуту назад приходилось студить систему труб разогретого реактора, но теперь пар раскручивал турбину и его громадная мощь шла на разгон многотонного корабля.

Вглубь. Вглубь!

Ныряя, лодка отстрелила четыре малогабаритных «шумелки». Почти одновременно с этим стартовал четвёртый самоходный аппарат ГПД калибра пятьсот тридцать три миллиметра, и сразу свернул влево от курса корабля. Далее он на малом ходу должен будет пройти два кабельтовых, начать имитацию среднего хода со ступенчатым погружением до четырёхсот пятидесяти метров и лечь на курс двести восемьдесят градусов, что соответствовало направлению к берегу Камчатки. Один-два раза, согласно программе, он будет переходить в «тихий» режим, чтобы запутать противника. Третий аппарат в это время плыл на глубине семьдесят метров, за лодкой, немного в стороне от неё. Он будет постепенно углубляться, отстанет примерно на милю, включит имитацию полного хода, но продолжит идти за ней некоторое вре-

мя, всё более и более отставая.

Через несколько минут лодка достигла заданной глубины. За это время корабль удалился более чем на полторы мили от того места, где были запущены ракеты и выставлено минное заграждение. У командира имелся график манёвров, подготовленный штурманской группой. Манёвры лодки, в том числе и переходы с одной скорости на другую, соотносились с манёврами имитаторов. В данный момент тактика уклонения и скрытности требовала нахождения за кормой подводной лодки аппарата шумовых помех – он должен был отвлечь на себя не только торпеды противника, но и вообще его внимание.

Из сообщений акустиков с большой долей вероятности можно было вывести, что три ракеты из восьми попали в цели – эхо их взрывов исходило из координат вражеских кораблей. Один из взрывов был особенно сильным: возможно, детонировали боеприпасы на поражённой цели. Или это была одна из двух ракет с индексом «1» в цифровом наименовании. Эти изделия имели только две ступени и подлетали к кораблю на маршевой скорости, делая «змейку», чтобы не попасть под обстрел палубной артиллерии. Вместо сверхзвуковой финишной ступени данная модель комплектовалась дополнительным объёмом взрывчатки.

Три попадания из восьми пусков – хороший результат для текущих обстоятельств. Дело в том, что ракеты запускались почти с минимальной дистанции. Погодные условия на по-

верхности океана не были известны достоверно, но предположительно они соответствовали предельно допустимым для работы разных приборов и механизмов. Например, скорость ветра. Так как полётные задания предполагали ложные курсовые манёвры, то в любом случае на каком-то этапе полёта ракет ветер должен был сильно сносить их в сторону. Из-за того, что дистанция стрельбы была очень короткой, ракеты на конечном отрезке не успевали разогнаться до полной скорости, – это значит, что их вполне можно было расстрелять противоракетами или палубными пулемётами. Хотя в условиях шторма сделать это врагу было сложно. На кораблях противника имелись и лазерные пушки для противоракетной защиты, но в дождь и туман вряд ли их использовали бы, потому что такие условия значительно снижают эффективность теплового луча.

На ГКП шли доклады, отсюда уходили распоряжения: «Седьмой отсек осмотрен, замечаний нет... Торпеды первой очереди загружены. Первый отсек к бою готов... Уровнять среднюю и кормовую цистерны... Дифферентовка завершена... Снять отсчёты... Прибор ГПД номер три „Бериллий“ совершает манёвр...»

Командир взъерошил волосы, потом разгладил их. Подошедший Пампиди указал на кальку маневрирования, что-то сказал. Лосев взглянул на неё, потом перевёл взгляд на секундомер, дождался момента и скомандовал:

– Право на борт десять градусов.

– Есть право на борт десять градусов.

– Синицын, сейчас на твоём посту особая ответственность. Слушай во все уши, понял?

– Так точно.

Вновь вспыхнуло табло: «Осторожно, торпеда!»

И минули считанные секунды, как прозвучал доклад акустика:

– Внимание, пеленг девяносто восемь градусов, слабый шум.

– Что за шум?

– Интенсивность шума не меняется, цель глубоководная, пока других данных нет... торпеда... скорее всего торпеда.

– Боевая тревога! Мы атакованы! Против нас торпедная атака! Приготовиться к резкой смене курса! Боцман, курс сто шестьдесят!

– Есть курс сто шестьдесят.

Подводная лодка, шедшая сейчас на максимальной скорости, начала делать резкий поворот на сто десять градусов. Такого манёвра, а именно занятия позиции под определённым углом к атакующей торпедой, требует тактика уклонения. Следовало бы ещё и винт остановить для уменьшения шумности, но это повлекло бы резкую потерю в скорости во время выполнения манёвра, а сам манёвр значительно затянулся бы. Поэтому моряки в эти секунды пытались удержать равновесие, ухватившись за что-либо, и ждали окончания манёвра.

– Курс сто шестьдесят.

– Стоп машина! Держать курс, дифферентовать лодку.

– Есть...

– Приготовить четыре прибора ГПД «Спрут»!

Опять идут доклады, в это время акустик уточняет параметры приближающейся торпеды.

– Внимание! Приготовиться исполнять режим «Тишина»... Исполнить режим «Тишина»!

Стихли голоса, мерно гудела аппаратура, иногда издавал звуки корпус. Четыре запрограммированных прибора «Спрут» находились в пусковых установках «ВИПС»: они активируются через двадцать секунд после запуска. Командир ждал сведений о дистанции до обнаруженного источника шума, чтобы вовремя отдать команду на их использование. Но если в ключевой момент лодка будет двигаться согласно своему курсу очень медленно или вообще ляжет в дрейф, то использование дрейфующих приборов не только потеряет смысл, но станет и опасным из-за близости к подводной лодке.

– Интенсивность шума растёт незначительно, пеленг меняется, девяносто девять градусов, – докладывал вполголоса акустик.

Американские торпеды, сброшенные с вертолётa или самолётa, после включения своего движителя начинают идти по кругу, постепенно погружаясь всё глубже, то есть их путь представляет собой спираль. Двигаясь, они ведут ло-

кацию, активную или пассивную, или чередуя эти способы. Торпеды, пущенные подлодками или кораблями, идут к цели на полном ходу, а с определённой дистанции переходят на малый ход, двигаются змейкой и ведут распознавание шумов цели средствами гидроакустической системы. Чтобы распознать торпеду по её действиям и характерным шумам требовалось некоторое время. Но был ещё и третий вариант, наиболее опасный: торпеда могла быть телеуправляемая.

Прошла минута. Пеленг поменялся ещё немного, уровень шума тоже незначительно вырос. Пока можно было предположить, что цель движется немного в сторону от подлодки и сближается с шумоимитатором, а вместе они приближались к лодке, которая после остановки винта ещё двигалась по инерции, но быстро тормозилась водной толщей и вот-вот должна была лечь в дрейф. Лосев распорядился приготовить к пуску четыре малогабаритных самоходных прибора ГПД «Тунец». Эти приборы годились для использования малоподвижной лодкой.

– Цель использует активный гидроакустический поиск...

И в этот момент раздался звук! Громкий и низкий, с шуршанием и треском, словно по корпусу ударил громадный глиняный валун, разбился – и его осколки покатались по обшивке. Корабль заметно дёрнуло.

– Глубинный взрыв по пеленгу прибора ГПД «Бериллий» номер три. Блин... глушануло немного.

– Слушать внимательно, без лишних эмоций – сделал за-

мечание Лосев акустику: – Всем, тишина!

Но тишину никто и не думал прерывать. Был подорван аппарат гидроакустического противодействия, прикрывавший лодку с кормы, шедший совсем близко. И торпеда, уничтожившая его, не была замечена приборами «Кота», её не слышал акустик! А если вдогонку подлодке был произведён залп из нескольких таких торпед, и обманулась шумоимитатором лишь одна из них, первая? И это наверняка так, потому что американская тактика ведения подводного боя заключается в залповой атаке несколькими торпедами.

– По пеленгу девяносто три градуса активная работа гидролокатора и шум торпеды.

Опасность стала слишком осязаемой. Поблизости работало несколько торпед. Возможно, где-то рядом затаилась подводная лодка врага. Да, обстановка на поверхности была неблагоприятной для гидроакустического поиска, но на той дистанции, на которой находились торпеды противника, это уже не имело значения. Только абсолютное соблюдение режима тишины на борту «Кота» и наличие работающего шумоимитатора могли сейчас остановить маятник смерти, незримо и безжалостно приближавший гибельную развязку.

Бум! Корабль качнуло, дребезжащий шум и потрескивание издал корпус. Экран, на который выводилась рекордограмма с пеленгатора, на секунду стал почти полностью зелёным. Уничтожен шумоимитатор номер четыре. Лодка теперь была совершенно беззащитна для чужого оружия. Командир

понял, что таиться бессмысленно. Лодку обязательно засветят гидроакустические датчики торпед и разведывательных буёв. На такой глубине и удалившись всего-то на полторы мили от места ракетной атаки, просто нет шансов остаться незамеченным. В таких обстоятельствах избежать гибели было невозможно – её можно было только отсрочить.

– ВИПС/ДУК товсь! – скомандовал Лосев.

Как только расчёты пусковых установок доложили о готовности он отдал приказ:

– ВИПС/ДУК пли!

Отстреляны по четыре самоходных и дрейфующих прибора гидроакустического противодействия, выполнявших разные программы: имитации и подавления. Пока пусковые установки заряжались следующими приборами, Лосев продолжал отдавать приказания:

– Окончен режим «Тишина». Боевая тревога, приготовиться к погружению. Экипаж, прошу в меру возможности соблюдать тишину. Никаких лишних и случайных звуков и разговоров. И полная сосредоточенность на выполняемой задаче. Опасность торпедного нападения сохраняется.

Командир отпустил микрофон громкой связи, висевший у его рабочего места на спиральном проводе.

– Запускаем шумоимитатор. Программа хода для прибора ГПД номер пять «Бериллий УН-4», диктую: старт в скрытном режиме, право на борт девяносто градусов, удаление на три кабельтовых, отстрел приборов «Вист», право на борт

пятьдесят градусов...

Продиктовав программу, Лосев отдал несколько команд, затем, бросив взгляд на хронометр, обратился к штурману через прибор связи:

– Лобанов, доложи о местоположении лодки.

Последовал краткий доклад.

– Значит так, Вадим, – говорил командир, вставая со своего кресла, – начнём двигаться по новому курсу, с погружением до пятисот. Боцман, слышишь? Начинаем движение с переменной курса, одновременно с началом имитации прибора ГПД. По курсу сто сорок идём на полном, ныряем до пятисот. Переходим на малый, и одновременно встаём на курс сто восемьдесят. Дальше... дальше видно будет.

– Только один имитатор запустим? – спросил Зименко.

– Один, – Лосев, кивнул.

До того, как поступил доклад о готовности аппарата гидроакустических помех, командир успел выслушать сообщение БЧ-7. Оказалось, что из авианосной группы два корабля набирают ход, выдвигаясь в авангард атакованного ордера. Обнаружены две цели, вероятно, подводные лодки, идут полным ходом к «Коту», предварительный расчёт дальности: тридцать – тридцать пять миль. Похоже, одна субмарина была той самой, которую обнаружили перед атакой, но потеряли из вида после сворачивания антенны «Ската». Только что было два взрыва по пеленгу главной цели и цели номер три. Также акустики засекли шумы, которые могли быть звуками

отстреливаемых зенитных ракет и всплесками от упавших в воду летательных аппаратов.

– Командир БЧ-7, акустик, почему не засекали торпеду, которая подорвала четвёртый имитатор? – спросил Лосев строго.

Синицын ответил не сразу.

– Шум имитатора заглушил её... возможно.

– Ладно, будем разбирать эту оплошность потом. Если останемся в живых.

Медлить было нельзя. Вполне вероятно, что вслед первой очереди торпед пущена вторая, или на подлёте противолодочная авиация. Кроме того, надо было удаляться от этого места, потому что скоро активируется минное заграждение, выставленное «Котом», а на собственных минах тоже вполне можно подорваться.

Между тем пришло время задуматься и об экономии малогабаритных приборов ГПД: их оставалось на борту уже немного. Сейчас следовало бы выстрелить три или четыре пары «шумелок» с небольшим интервалом, но перед началом движения были запущены только пять приборов: один – на создание помех гидроакустическим комплексам кораблей, два – на подавление систем самонаведения торпед, ещё два – на имитацию ложных целей. А потом...

Лосев дал команду к пуску пятого аппарата шумовых помех. Это была новейшая, секретная модификация прибора «Бериллий». Вероятно, «Кот» стал первым подводным

кораблём, принявшим её на вооружение. Этот шумоимитатор нёс в своём чреве четыре малогабаритных прибора ГПД, которые, в свою очередь, могли программироваться или заменяться другими, аналогичными по калибру. Он мог управляться по волоконно-оптическому кабелю, но и в автономном режиме обладал потрясающими возможностями. Шумоимитатор имел корпусные гидроакустические датчики и пятнадцатиметровую кабель-антенну с выносным детектором бортового мини-ГАКа, которые даже при неблагоприятных гидрологических условиях могли обнаружить торпеду, идущую полным ходом, на дальности около мили. Если вычислительный блок шумоимитатора определял, что торпеда приближается, то отдавалась команда на запуск малогабаритных приборов ГПД, а сам шумоимитатор выполнял манёвр уклонения, в зависимости от положения относительно приближающейся торпеды. Также он мог имитировать сигналы системы «свой-чужой».

Лосев ставил себя на место врага, на место тех американских офицеров, что вели сейчас охоту на «Кота». После отстрела малогабаритных «шумелок» и запуска «Бериллия» охотники увидели бы на экранах своих радаров несколько источников шума, а затем две цели, по шумовым и ходовым параметрам схожие с подводной лодкой. Но потом одна из них, реагируя на торпеду или активную работу гидроакустических буёв, скрывается в облаке помех приборов ГПД. Не зная, что российский флот обзавёлся секретной новин-

кой, вражеские офицеры, без сомнения, примут именно эту цель за настоящую подводную лодку. В любом случае, именно на ней будет сосредоточено внимание, а «Кот» получит шанс скрыться от преследователей.

Команду «полный вперёд» Александр Иванович отдал за несколько секунд до того, как этот режим начал имитировать прибор ГПД номер пять. Сразу последовала команда на смену курса – минус двадцать градусов. Как только манёвр поворота был выполнен, прозвучал приказ на погружение до пятисот метров. Подводная лодка набирала ход и уходила на полукилометровую глубину.

Командир радиотехнической боевой части докладывал, что враг массированно применил средства гидроакустического противодействия, вследствие чего авианосная группа более не распознавалась как отдельные корабли, а превратилась в один большой источник шума. Даже два корабля, что выдвинулись вперёд, теперь не определялись в общем звуковолновом хаосе. Искусственные помехи затрудняли и обнаружение торпед, которые наверняка были запущены кораблями в район ракетной атаки «Кота». Главная антенна подлодки, в дискретах сорок пять и шестьдесят герц всё ещё улавливала шум двух субмарин врага, двигавшихся навстречу ей, и несколько других целей впереди, в широком

секторе по курсу.

Лосев немного был удивлён тем, что американцы применили массированное гидроакустическое противодействие с таким опозданием. Он мог лишь предположить, что они увлеклись, желая немедленно обнаружить дерзко атаковавшую их подлодку и уничтожить её. Кроме того, как это не раз подмечалось, они слишком высокомерно относились к возможностям флота России, недооценивая его. Если бы ими была выставлена такая защита сразу же, как только обнаружили первую пущенную «Котом» торпеду, то у второй и последующих торпед не было бы ни единого шанса – у американцев некоторое техническое преимущество в средствах обнаружения и противодействия.

У российского флота огромный дефицит противоторпедного оружия и приборов ГПД нового поколения. На надводных кораблях России имеются пусковые установки с противоторпедами разработки конца прошлого века, малоэффективные и ненадёжные против современных самоходных снарядов, а на подводных лодках они начали появляться лишь недавно. На борту «Кота» противоторпед не было, потому что российские снаряды, как и многие зарубежные, имеют калибр порядка трёхсот сорока миллиметров, а пусковые установки подлодки располагались лишь в носовой части и были большего калибра. Размещение переходных приспособлений, да и самих снарядов, повлекло бы сокращение прочего арсенала, а иные способы предполагали слиш-

ком серьёзные переделки. Новые проекты подводных лодок уже предусматривают использование противоторпед, но такие корабли в составе флота можно на пальцах пересчитать.

Только-только появились у подводников более-менее «умные» и сравнительно качественные шумоимитаторы, но системы акустических помех и имитации на основе малогабаритных аппаратов уступают разработкам европейских и американских инженеров, в первую очередь мощностью, длительностью работы, функциональной адаптивностью программного обеспечения. Лосев изучал материалы по американским, итальянским, французским средствам защиты кораблей и мог сделать вывод, что российский флот отставал в этой сфере.

И вот началась война. «Кот» запустил пять крупнокалиберных шумоимитаторов, больше двух десятков малогабаритных приборов ГПД – и теперь ощущался недостаток средств обороны. Ударное оружие на борту для решения серьёзных задач ещё оставалось, но чтобы уйти от контратаки врага требовалось больше средств противоторпедной защиты, гидроакустического и радиоэлектронного противодействия. А так... так получается, что экипаж русской подлодки может эффективно атаковать врага, но это почти наверняка будет стоить ему жизни.

И всё же Лосев мог себя чувствовать «командиром счастливой „Щуки“»¹⁹. Пока враг ещё не полностью вышел из ре-

¹⁹ [19] «Командир счастливой „Щуки“» – советский художественный фильм,

жима мирного времени, пока его надменность и самоуверенность дают шансы счастливчикам, но скоро... Скоро противник будет действовать более предусмотрительно, наученный опытом собственных потерь. Тогда российским морякам понадобится продвинутое оружие – а где его взять? Во время Великой Отечественной тысячи заводов и миллионы людей были перевезены за Волгу, за Урал, и там нашли спасение, нашли силы для восстановления государственных ресурсов. Но теперь за горами Урала не укрыться. Нет такого места на родной земле, куда не достанет атомный огонь. И нет высокоразвитых, самостоятельных союзников.

На борту оставались две крылатых ракеты с термоядерными зарядами, и командир опасался, что они мёртвым грузом лягут на дно океана в случае успешной атаки врага. С полукилометровой глубины они не взлетят, а идти на глубину позволяющей ракетную стрельбу, в данных обстоятельствах равносильно самоубийству. Имелось желание отправить их в торпедный аппарат, введя предварительно координаты авианосной группы, и, если вражеская торпеда сблизится до дистанции исключающей промах, нажать кнопку пуска... но для акта мести не было технической возможности.

Шли секунды, отсчитывалась вахтенным глубина. Столь резкий нырок на отметку пятьсот метров нёс в себе опасность серьёзной аварии – но в эти минуты любое действие или промедление несло в себе смертельную опасность. При-

ходилось выбирать из двух зол и надеяться на то, что удача всё ещё с «Котом».

Достигли пятисот метров глубины. Потрескивал корпус, шумели механизмы и ёмкости от перепада давления и температуры. Лодка освободилась от нескольких десятков тонн оружейной массы, и для удержания корабля в подводном положении потерянный вес возместили сравнительно тёплой водой верхнего океанического слоя.

Выйдя на заданную отметку, экипаж осматривался, дифференцировал корабль. Лодка в горизонтальной плоскости шла быстрее, управляемая минимальным отклонением рулей. Чуть раньше завершил свой манёвр погружения пятый имитатор.

Пока приближения торпед непосредственно к лодке не наблюдалось, но боевая часть управления фиксировала источники активной локации. Похоже, клюнули американцы на уловку командира Лосева. Сейчас они сосредотачивали внимание на имитаторе, отстрелявшемся малогабаритными приборами ГПД, и поиском мин, которые могла выставить русская подлодка. Вести локацию из ордера, из эпицентра собственных помех крайне проблематично, поэтому они наверняка используют сбрасываемые авиационные гидроакустические буи. Или же запустили в квадраты поиска несколько самонаводящихся торпед. А скорее всего – скидывают и буи, и торпеды.

По-прежнему согласовывая свои действия с программой

имитатора, через две минуты перешли на малый ход. Сразу же был произведён манёвр поворота на сорок градусов влево. Как только лодка легла на новый курс, командир ввёл режим тишины.

Спустя минуту Лосев запросил доклад у командира БЧ-7. Синицын сообщил: авианосная группа закрыта шумовой завесой; в пяти милях справа по борту, по пеленгу от сорока семи до семидесяти четырёх градусов обнаруживаются источники активной гидролокации; одна из двух ранее обнаруженных лодок идёт прежним курсом на полном ходу; вторая, вероятно, перешла на тихий ход и более не обнаруживается.

– Ну что, братцы, атака и манёвр уклонения завершены, – сказал командир Лосев, опираясь на подлокотник и вытягивая ноги. – Теперь нам надо опасаться в первую очередь атак подводных лодок. Пока на поверхности бушует непогода, возможности противника ослаблены по части применения авиации и спутников. Да и наши противовоздушные мины, кажется, сработали и пугнули супостата. Они ещё полчаса, может быть, поищут в районе нашей ракетной атаки и по следу пятого имитатора, а потом начнут отрабатывать наш курс. А, как думаешь, Пешков?

– Я думаю, их командование очертит круг, в котором нас и будут искать. Ихние лодки займут засадные позиции в западной части круга, по полукругу, чтобы не пропустить нас домой, а тральщики, противолодочники и авиация будут теснить нас с востока, да и со всех сторон. Применят активную

локацию буксируемыми антеннами и обстрел ракето-торпедами.

– Согласен, Алексей. К гадалке не ходи: уже сбрасывают буй. Выставят линейный барьер к востоку и кольцевой с центром в точке нашей ракетной атаки. Так что у нас один вариант: уходить отсюда поскорее. А как поскорее уйти на тихом ходу – я не знаю. Не сказали мне об этом учителя-командиры. Наверное, и сами не ведали.

Лосев вытащил из кармана брюк носовой платок, вытер им лицо, затем руки. Встал, подошёл к посту рулевых, взял у них бутылку воды, сделал несколько глотков.

Через несколько минут он отдаст приказ на манёвр смены курса. После этого судьба экипажа почти полностью будет во власти внешних обстоятельств.

«Кот» на малом ходу шёл к Гавайской гряде. Атака, которую он победно совершил на вражеский ордер – невероятная удача. Противник просто ещё не успел втянуться в реальную войну, им же начатую. Но теперь подлодка находилась в очень и очень непростых обстоятельствах. После множества манёвров и действия подводных течений накопились серьёзные ошибки в определении местоположения и курса корабля. В ближайшие двое-трое суток всплытие будет категорически нежелательно. Но даже спустя определённое вре-

мя, найдя безопасные условия и всплыв, экипаж рисковал не найти ориентиры, а со спутниковой навигацией, похоже, надолго покончено. Экипаж подводной лодки оказался в тех условиях, какие были во времена галерных флотов.

На борту оставалось мало оружия: две универсальные торпеды и восемь противолодочных снарядов ракетно-торпедного комплекса «Ветер». Такой набор предполагал тактику засады. Но без помощи, без целеуказания со стороны, устроить в океане засаду на подводную лодку противника очень сложно. Больше шансов самим попасть во вражескую ловушку.

Из средств защиты – один самоходный аппарат гидроакустического противодействия. Это чуть больше, чем ничего. Есть ещё несколько малогабаритных «шумелок». В одном из торпедных аппаратов до сих пор находился разведывательный робот для выполнения спецзадания, но вряд ли его стоило принимать в расчёт. Между тем, подлодке только предстоит выходить из зоны, в которой, без сомнения, её будет искать атакованная группировка.

Две ядерных ракеты были на борту. Их могло не быть вообще: в протяжении многих лет флот, исполняя обоюдные государственные обязательства по договору с Соединёнными Штатами, не комплектовал арсеналы многоцелевых лодок ядерными боеприпасами. Но в последнее время Штаты настолько подняли напряжение в отношениях с Россией, что на высшем уровне было решено тайно вооружать мно-

гоцелевые подводные лодки (несущие очередное дежурство и выполняющие специальные задания) двумя единицами атомного оружия. Именно вследствие этого решения «Кот» сейчас мог причинить врагу такой урон, какой не смог бы причинить весь Тихоокеанский флот Российской Федерации обычным оружием. Вот только доставить бы эти крылатые ракеты с ядерными зарядами до места назначения.

На берегу Байкала

Страшные и бесповоротные события застали Сергея Лазарева в лесной глуши. В это время он находился примерно в семидесяти вёрстах по прямой от Иркутска и в шести – от цели своего путешествия, урочища Ушканья падь на западном берегу Байкала.

Бабье лето подарило несколько дней хорошей погоды. Лёгкие утренние заморозки перекрасили в яркие тона природу южной Сибири, побледневшую ещё в начале сентября. Лазарев взял неделю отпуска за свой счёт, чтобы пофотографировать осенние красоты тайги и сделать несколько набросков для будущих пейзажей.

Из Иркутска выехал в воскресенье перед рассветом. Сложил в свой «патфайндер» рюкзак с продуктами и запасной одеждой, скатанный в рулон спальник, фотоаппарат с объективами и треногой, этюдник с рисовальными принадлежностями – и отправился к Байкалу по Голоустненскому тракту. Собирался доехать до посёлка Добролёт или до Горячего Ключа, свернуть направо, дальше – по грунтовым колеям в сторону озера, до Ушканьей пади. Можно ли так проехать –

достоверно не знал, но один приятель уверял, что его знакомый совершал путешествие по этому маршруту несколько лет назад. На всякий случай Сергей держал в мыслях запасной вариант, к которому прибегал не раз: до посёлка Большое Голоустное – по шоссе, потом – вдоль озёрного берега. Если удастся осуществить основной вариант, то Голоустного он достигнет во вторую очередь, возвращаясь в Иркутск.

До Горячего Ключа Лазарев не добрался – после Добролёта, проехав около двух вёрст, свернул с трассы на грунтовку. Он знал: в этом районе течёт река Чёрная, но неожиданно для себя обнаружил ещё одну – Ушаковку. Название подсказали двое рыбаков, встретившихся ему на берегу; они же объяснили, что тут реку не пересечь, а надо проехать вперёд ещё версты полторы, свернуть на дорогу, идущую чуть ли не обратно, и метров через пятьсот-шестьсот он выедет к мосту – ну а дальше Сергей пусть сам ищет проезд. В существовании дороги аж до самой Ушканьей пади они сильно сомневались.

Последовав совету рыбаков, он вскоре добрался до моста. Это было грубое бревенчатое сооружение, но смотрелось оно живописно на фоне реки и яркой листвы, поэтому Лазарев остановился возле переправы, чтобы сделать несколько снимков. Так, делая остановки для фотосъёмки, до конца дня он проехал тридцать вёрст – через извилистые проплешины браконьерских лесосек, объезжая подболоченные мелкие заводы, минуя стороной валежники. Спустя некото-

рое время достиг реки Алатай и стал двигаться вдоль неё.

Вскоре ему повстречались лесники на «буханке»: выяснилось, что совсем недалеко находится их заимка²⁰. Лазарев отправился с ними. Ему показали большую карту, на которую были нанесены все дороги, где пройдёт автомобиль: Сергей удостоверился, что к пади такой дороги нет. Туда можно добраться только по трассе через Большое Голоустное, вдоль берега. Надо сказать, само урочище было для него путевой целью лишь потому, что ближе к озеру горы становились всё выше и круче и именно в тех местах (в трёх-семи вёрстах от берега) он надеялся найти красочные горно-таёжные пейзажи.

Время было уже вечернее: Сергей решил заночевать у лесников, а рано утром двинуться в путь, чтобы – раз уж нет дороги до Ушканьей пади – забраться подальше на машине, а потом продвинуться вперёд пешком насколько возможно. Лесники посоветовали ехать строго на юг, придерживаясь русла Алатая, до высоковольтки (это меньше десяти вёрст), затем – вдоль неё на восток.

К семи часам утра он был у речки Ундун-Даван; проехав немного вдоль неё, устроил стоянку. Всего за утро Сергей продвинулся на машине более чем на тридцать две версты. Быстро перекусив, он взял сумку с фотокамерой, треногу, этюдник с рисовальными принадлежностями и стал подни-

²⁰ [20] Заимка – расположенное вдалеке от основных населённых пунктов, отдельное дворовое хозяйство, обычно охотничье, рыбацкое, фермерское.

маться на одну из возвышенностей.

Это была гора с двумя большими хребтами и одним поменьше: с высоты птичьего полёта, как представилось Сергею, она напоминала морскую звезду. Он обошёл малый хребет и, найдя на длинном склоне подъёмный участок достаточно свободный от растительности, начал восхождение.

Основной задачей на сегодня было: найти высотную точку для съёмок завтрашнего рассвета. Возможно, для этого придётся подняться на несколько соседних вершин. А ещё сегодня он рассчитывал сфотографировать закат. Прогноз погоды на сутки давали хороший, а до Ушканьей пади от места нынешней стоянки оставалось где-то около шести вёрст по прямой. Вот только машине дальше ходу нет – собственно, он потому и устроил стоянку, что дорожная колея попросту потерялась в тополиных зарослях. На западе вроде имелось некоторое подобие проезжего пути, но по нему Сергей удалился бы от озера. Отсюда можно было возвратиться назад или, оставив машину, совершить марш-бросок через несколько горных гряд к Ушканьей пади. Как поступить – он пока не решил.

Было около восьми утра, когда Сергей, забравшись на вершину «Морской звезды» (так он назвал для себя эту гору), увидел на северо-западе удивительное небесное зрелище: огромные светлые круги и яркие овалы небольшого размера. Всего таких небесных артефактов Лазарев насчитал более двух десятков. Овалы постепенно сжимались, превра-

щаяся в точку, а круги увеличивались в диаметре, сливались с другими, становились прозрачными и теряли правильную форму. Ниже, у самого горизонта, виднелись вертикальные полосы белого дыма.

«Запустили ракеты, – сразу догадался Сергей: ему уже приходилось видеть издали ракетные пуски. – Но что-то слишком много...»

В области стоит дивизия ракетных войск стратегического назначения (здесь это всем известно): возле Иркутска – штаб, а на отдалении, между Ангарском и Усть-Ордынским, – три ракетных полка. Если живёшь вблизи таких объектов, видишь на улице людей в военной форме, спешащих по тревоге в часть, слышишь сирену гражданской обороны, то порою задумываешься о том, что развязка пьесы «Противостояние держав» рано или поздно наступит, а ядерное ружьё – выстрелит. «Война! – щёлкнула шальная мысль. И сразу же: – Да ну, ерунда. Хм... смешно».

Но нет! Одновременный запуск стольких стратегических ракет не может быть учебным. Это совершенно невероятно. Одна... две... ну, пять... но больше двадцати!.. Если не война, если не учения, то что? Может быть, ошибка компьютера? Ведь случилось такое! Или какой-нибудь сумасшедший генерал решил ударить по Америке? Это же армия: генерал отдаст приказ – солдаты сделают! Тогда – война. Вон их сколько взлетело.

А ведь это, наверное, ещё не всё. Эти «тополя» возьмётся

тягачами и в настоящий момент несколько колонн таких тягачей, по идее, должны выдвигаться к позиционным районам, откуда и сделают залпы. Значит, если и в самом деле какой-то идиот начал атаку, то скоро будут новые запуски. Но и это ещё не всё! Американцы тоже знают о том, что дивизионы должны выдвигаться в заданные районы для боевых стрельб, а из этого следует, что они обязательно ударят по позициям. То есть их ракеты сейчас тоже взлетают!.. И полетят сюда! Совсем скоро, совсем недалеко отсюда, может быть, в трёх километрах, может – в сотне, возникнет ад!

«К машине! Надо бежать вниз к машине!» – вспыхнула мысль. Страх охватил человека. Он смёл в полость этюдника карандаши и захлопнул его. Упал на землю ластик, но Сергей не обратил на это внимания. Резким движением сложил ножки этюдника, едва не сломав, но тут же бросил их на землю, занялся треногой и фотоаппаратом. Собрав художественные и фотографические принадлежности, Лазарев кинулся вниз по склону. Шагов через десять он упал, этюдник раскрылся – рассыпались карандаши, листы эскизной бумаги, ластик, точилки... Сумка с фотоаппаратом укатилась далеко вниз, шагов на пятьдесят, и едва осталась на виду. Лазарев не стал ничего собирать – схватил этюдник, треногу и вновь припустил к подножию, по пути подобрав сумку с фотоаппаратом.

«Вниз! Скорее вниз! – подстёгивал он себя в мыслях, а может быть и вслух. – Машину ещё спрятать бы, но главное – вниз! Надо искать яму, расщелину. И машину, машину

успеть спрятать! Как я без неё? Там ведь еда. Как я без неё? Там вещи, еда. Как без неё?! Машина нужна!..»

Добежав до автомобиля, Сергей понял, что не знает, как поступить дальше. Остановился, задыхаясь и суматошно озираясь. Где будет вспышка? Куда спрятать такую большую машину? В какую сторону бежать или ехать? Бросил вещи в багажник, зачем-то обернулся...

Значительный участок неба над пологой возвышенностью к северу от него потерял голубизну, побледнел, а тёмные основания облаков в одно мгновение стали ослепительно белыми.

Это взрыв! «Тополь» упал? Американская ответка? Плевать! Это атомный взрыв!

Сергей заметался. Ему представилось, как на нём воспламеняется одежда, кожа становится бордово-малиновой и вспухает белёсыми волдырями. Он повернулся спиной к автомобилю, раскинул руки, прижался к холодной гладкой поверхности кузова. В воображении вспыхнула картина: воздушная волна бьёт по машине, опрокидывает её на Сергея, сносит обоих куда-то в серую мглу. Бедняга снова заметался: отскочил от автомобиля, остановился, побежал вправо... опять остановился. Он боялся посмотреть в ту сторону, где поднимался гигантский клубящийся гриб.

Свечение между тем угасло. Больше ничего не происходило. Никаких громовых раскатов, никакой земной дрожи; не налетела ударная волна, не загорелись на горных склонах

освещённые вспышкой деревья. Но человеку было беспокойно. Наверное, так чувствует себя заневоленный ловушкой зверь, когда к нему приближается охотник. Он ожидал смертельной развязки. По небу плыли облака, кричали в вершинах деревьев сойки, листья срывались с веток лёгким ветерком и летели вниз – а человек ожидал своей кончины в следующую секунду...

В следующую секунду вспышка ядерного взрыва может произойти прямо над головой.

Сергей бросился к машине, дёрнул на себя водительскую дверь, ударив ею по ноге, впрыгнул в салон. Уже через две секунды машина рванулась в чащу по ложбине между двух возвышенностей. И почти сразу Лазареву пришлось нажать на педаль тормоза, чтобы не врезаться в дерево. Лавируя, Сергей успел проехать несколько десятков метров, когда его настиг двойной громовой удар. Он вызвал неестественный по своей силе листопад. С крон слетела густая, тяжёлая масса хвои и листьев, которая дырявым занавесом опустилась на ветровое стекло. Будто небо упало – и Сергей лишился остатков самообладания.

Он резко вжал тормозную педаль в пол: его кинуло на руль, коротко бибикнул сигнал. Сергей, неосознаваемым движением заглушив мотор, выскочил из автомобиля, упал животом на ковёр из листьев и извиваясь, словно сом на песке, полез под днище. Через считанные мгновения его тело скрылось под машиной. Он лежал, зажмурил глаза, уткнув-

шись лицом в локоть, его трясло – краем сознания он чувствовал, что обмочился... и, кажется, даже не пытался совладать со своим телом.

Ничком пролежал с четверть минуты – щурясь, приоткрыл глаза и чуть приподнял голову: ничего не происходило и природа вокруг как будто затихла. Но спустя несколько робких человеческих вздохов почва дрогнула – Лазарев тут же уткнулся в локоть, вжался от страха в землю, заскулил в ожидании оглушающего удара. Земля вроде бы гудела... или ему это показалось?.. В воздухе по-прежнему тишина – было слышно как потрескивает остывающий коллектор выхлопной трубы и падают рядом с автомобилем листья.

Едва заметный толчок. Через несколько секунд послышался нарастающий гул и вой, земля мелко задрожала, застонала – и громкий рокочущий звук, похожий на раскат грома, накрыл лощину. С севера на юг пронеслась плотная звуковая волна, сопровождаемая гулом бури. Мир словно вздрогнул: заметно качнулась машина, на землю полетели сучья и листья.

Лазарев лежал, уткнувшись в землю. Он чувствовал некоторое раздвоение сознания: одной частью обонял запах влажной земли и палой листвы, в эти мгновения показавшиеся ему невероятно сладостными, а другая часть ждала каких-то чудовищных событий, которые исковеркают тело, лишат возможности видеть, обонять, осязать, слышать. Ударная волна, по мере продвижения превратившаяся в безобид-

ный по сути звуковой вал, породила у Лазарева новый страх, будто сейчас он будет раздавлен собственной машиной. Эта жуткая мысль была настолько сильна, что он почувствовал позыв к мочеиспусканию, но в этот раз удержался. Волна пронеслась дальше, теряя с каждой секундой мощь. Некоторое время был слышен её шум и разносился крик птиц, согнанных с веток внезапным грохотом. Затем в лощине снова повисла тишина.

Это прокатились ударные волны первых ядерных взрывов: ближайших из более чем десятка. Тридцать ракет «Минитмен-III» были выпущены почти одновременно из шахт военной базы Маллстром (штат Монтана, США). В разряженных слоях атмосферы головные части ракет разделились на три блока, из которых один или два были ложными, и устремились к районам дислокации подразделений двадцать девятой дивизии РВСН России. После первого залпа последовал второй, из двадцати пяти ракет; и вновь каждая несла в головной части по три блока, но все они были либо ложными, либо содержали генераторы помех, ослепляющие радиолокационную аппаратуру.

Ракеты второго залпа шли по низкой траектории и потому обогнали снаряды, запущенные первыми. Таким образом американские военные предполагали ввести в заблуждение российских офицеров противовоздушной обороны. Цели с низкой баллистической траекторией менее заметны для наземных средств локации, в связи с чем американцы рас-

считывали, что русские отвлекут на них излишнее внимание и израсходуют больше, чем следовало бы, поражающих средств. При таких условиях была высока вероятность того, что у обороняющихся просто не хватит времени на нейтрализацию боевых блоков. Эта уловка была оправдана хотя бы потому, что в те же минуты подвергались массированному налёту крылатых ракет и беспилотных бомбардировщиков береговые и приграничные районы российской территории.

Целями атомных ударов в районе дислокации двадцать девятой дивизии стали как места постоянного расположения подразделений, так и позиционные районы, чьи координаты были получены в результате космической и авиационной разведки и подтверждены данными агентуры. Наносились удары и по местам, где предположительно в этот момент находились дежурные дивизионы грунтовых мобильных комплексов «Тополь-М» и колонны ракетчиков, движущиеся к стартовым площадкам по тревоге.

Из сорока боевых блоков большая часть была выведена из строя средствами противоракетной обороны. Несколько снарядов сильно отклонились: один даже взорвался над территорией Монголии. Ещё часть отклонилась незначительно, тем не менее они сработали над населёнными районами. Остальные блоки с ядерными зарядами долетели до заданных квадратов.

Два трёхсоткилотонных термоядерных заряда полно-

стью уничтожили наземные объекты 92-й полка РВ-СН возле Хомутово, оснащённый «Ярсами», но мобильные комплексы успели выйти на позиции и отстреляться. Над расположениями воинских частей 52933 (344-й полк) и 52009 (586-й полк) сработало несколько зарядов на высотах от полукилометра до четырёх тысяч метров, что повлекло уничтожение всех военных объектов на поверхности, а также сильнейшие разрушения и пожары в окрестностях. Один дивизион ракетчиков был уничтожен на марше полностью, три дивизиона понесли потери и часть комплексов вышла из строя.

Эти подробности станут известны позже, а сейчас Лазарев просто лежал под своей машиной в помутнённом сознании и оцепенев от страха. Следующий звуковой вал был немного слабее двух первых. Потом прошли тяжёлые пятнадцать-двадцать минут, на протяжении которых до Сергея доносились раскаты далёких взрывов, звук реактивных самолётов. Он чувствовал холод внизу живота и на бёдрах, но боялся пошевелиться. И вот стало тихо. Взрывы уже не слышны, на деревьях стали перекрикиваться сойки, и даже две молодые белки подбежали к машине – остановились в двух метрах, заметили человека, повернувшего голову в их сторону, и бросились прочь. Холод всё глубже проникал в тело, но вылезти из-под автомобиля он не решался.

Однако к страху перед ударной волной и испепеляющими лучами ядерных вспышек добавилась боязнь радиации.

Но под машиной от радиации не спастись: от неё надо бежать. Понимание этого и привыкание к тишине, наконец, возобладало над прежними страхами и Сергей решился покинуть свою лёжку. Тут обнаружилось, что автомобиль заметно просел: колёса продавили мягкую почву и днище теперь было на несколько сантиметров ниже, чем в момент остановки автомобиля. Самое низкое место находилось между колёсами, поэтому сбоку вылезть не удалось, а впереди мешала кочка и выпуклая защита двигателя. Сергей стал отползать назад, при этом почувствовал запах своей мочи. «Неужели это я?» – была первая осознанная и несуматошная мысль с того мгновения, когда он увидел в небе следы межконтинентальных ракет.

Он вспомнил, как утром простался с лесниками, потом – дорога, восход солнца, который он фотографировал, снова дорога, «Морская звезда» – и он делает снимки... Всего лишь несколько часов назад! Несколько часов назад была спокойная мирная жизнь, а в ней – место Лазарева, довольно уютное: приносящая удовлетворение работа, приличный доход. И вот он в мокрых штанах, трясущийся от страха и холода, не знающий, что предпринять. А реальность, в которой он что-то значил, кажется, превращается в радиоактивный пепел.

В Иркутске у Сергея близких не осталось. Он был в бесплодном браке с девятнадцати до двадцати двух лет и к нынешним своим тридцати двум годам превратился может быть не совсем в убеждённого холостяка, но в мужчину, предпочитающего короткие, необязывающие связи. Отца Сергей не знал и был единственным ребёнком у матери. Она родила его поздно, на четвёртом десятке – болезненная женщина со странностями: до женитьбы Сергея она не давала ему шага сделать без спроса и была категорически против невесты, а после женитьбы полностью потеряла интерес к жизни сына и прекратила с ним общаться. Умерла внезапно около трёх лет назад. Сергей, долгие годы снимавший жильё, вернулся в унаследованную квартиру. Год назад он продал её и купил жилище в соседнем, Кировском районе Иркутска.

В общем, Лазареву в эти минуты не о ком было беспокоиться. С родственниками он не поддерживал связи, а потому оставались только друзья, судьба которых могла бы его волновать... но не волновала. Все его страхи сосредоточились сейчас на нём самом. Страхи, беспокойство и возвратившееся из детских годов желание: чтобы кто-нибудь его защитил, укрыл, успокоил.

«Взрывы были на севере или северо-западе – значит, надо

ехать на юг, юго-восток», – думал Сергей, поднимаясь на ноги. Он огляделся, потом сел за руль и запустил двигатель. Места для разворота здесь не хватало, а возможности проехать вперёд не было – Лазарев включил заднюю передачу и машина медленно тронулась.

Уже через пять метров, когда Сергей вывернул руль, она правым крылом упёрлась в дерево. Услышав негромкий хруст сминаемого железа и пластика, он простонал от жалости к машине и к себе. Подал автомобиль вперёд, остановил, снова стал сдавать назад, глядя теперь не только в зеркала, но и посматривая по бокам. Вскоре он выехал из чащи. Грунтовая дорога вдоль речки Ундун-Даван отсюда вела на северо-запад – по ней Сергей и приехал. В других направлениях никакой дороги не было, разве что на юг уходили поросшие травой и кустарником колеи. Как же быть? Продолжить путь на юг пешком? Надо решать.

Спокойствие и рассудочность быстро возвращались. Наверное, этому помогло сосредоточение, необходимое, чтобы аккуратно вести машину задним ходом между деревьями. Мысли о радиации и возможных ядерных взрывах не покидали его, но они уже не нагоняли панику.

Лазарев заглушил двигатель, посидел с полминуты; глянул вправо, влево. Вышел из машины. Место стоянки располагалась возле речки, менее чем в ста шагах от переправы, машина стояла капотом на юг. На севере, за дальними возвышенностями и деревьями, виднелась бурая туча, за ней –

ещё одна. Совершенно чётко Сергей осознал: это следствие атомных взрывов. По его прикидке, до них – по меньшей мере километров пятьдесят. На таком расстоянии вряд ли стоит опасаться радиации, даже если облака движутся сюда – если только дождь соберётся. Однако в небе не было низких дождевых туч, которые могли бы принести осадки, хотя ветер действительно дул со стороны радиоактивных облаков.

В машине у Сергея лежал бинокль двенадцатикратного увеличения, которым он редко пользовался, но в походы на всякий случай брал. Сейчас он достал бинокль, огляделся – заметил вблизи бугор и поднялся на него. Вот оно: неплотное буро-серое облако; его верхняя часть всё более сплющивается и растекается.

Лазарева била мелкая дрожь, в горле встал комок. Захотелось немедленно оказаться среди людей: рассказать об увиденном и пережитом, обсудить случившееся, узнать, что вообще происходит в мире, наконец – почему это произошло? Сергей сбежал с бугра, подошёл к машине. Открыл переднюю дверь и дотянулся до мобильного, лежавшего на пассажирском сидении под полотенцем и ещё какими-то вещами. Он обычно оставлял телефон в машине, чтобы его не отвлекали от занятий фотосъёмкой и живописью. С айфоном было что-то не так – он не реагировал ни на какие на действия. Сигнал GPS тоже пропал: Сергей минут пять провозился с навигатором автомобиля, но тот так и не показал местонахождение машины на карте.

Только теперь Сергей догадался включить радио. На установленной частоте было шипение и треск, приёмник автоматически начал поиск устойчивой передачи. Наконец нашёл волну, которая сквозь помехи донесла до слуха побледневшего в это мгновение Сергея голос.

Мужской, с вибрирующими басовыми интонациями, механически-монотонный... но Сергей расслышал в нём чудовищный драматизм. Драматизм объявления смертного приговора: «Внимание всем! Внимание всем! Воздушная тревога. Воздушная тревога. Радиационная опасность. Радиационная опасность». У Лазарева оборвалось дыхание. После страшных слов несколько секунд звучал прерывистый тревожный сигнал – и снова выносился приговор человеческой цивилизации.

Безысходность охватила Сергея. Если до сих пор тлела надежда на то, что пуски ракет и последовавшие взрывы – лишь техногенная катастрофа, сбой компьютера, бзик сумасшедшего генерала... то теперь сомнения развеялись.

Это война.

Две или три минуты Сергей сидел, не шевелясь, только смотрел на панель приёмника: тот колебанием разноцветной диаграммы сопровождал голос диктора. Проносились мысли: что на Земле осталось несколько сотен людей и он – один из этих счастливицков; что возвращаться в Иркутск смысла нет, потому что там одни радиоактивные развалины; что вода в Байкале теперь заражена; что ему придётся охотить-

ся на зверей, когда продукты в разрушенных гипермаркетах окончательно испортятся; что когда-нибудь он встретит другого человека, возможно, женщину... С этой мыслью Сергей начал выходить из ступора, безысходность развеивалась. Он стал искать другие работающие радиостанции. Вскоре на длинных волнах нашёлся «Маяк». Здесь передавалась инструкция для населения о действиях после объявлении тревоги: выключить свет и газ, спуститься в убежище, захватить с собой воду... на открытом пространстве лечь ногами к вспышке... при отсутствии противогаса использовать марлевую повязку, полотенце или иной подручный материал... старайтесь проявить стойкость... пресекайте панику и выявляйте распространителей недостоверных слухов... не выключайте радиоприёмники...

К Лазареву возвращалось самообладание. Не так страшен ядерный дьявол, как его рисовало воображение ещё несколько минут назад. Хиросима и Нагасаки были отстроены на местах атомных взрывов уже через несколько лет – и стали краше, благоустроеннее, населённой. В России есть озёра, созданные атомными взрывами – в них можно купаться, их воду можно пить. Сотни тысяч людей получили облучение и ожоги от вспышек, но остались живы – и доживают до восьмого и девятого десятка.

Чернобыль? Чернобыль – не то. Там другие радиоактивные материалы, которые не должны были разлететься по округе, но поучаствовали в цепной реакции, в распаде –

и разлетелись.

Инструкция, транслируемая «Маяком», содержала также сведения, которые должны были предотвратить панику и развеять ложные слухи о чрезмерной опасности ядерного оружия. Говорилось, что радиация распространяется от эпицентра взрыва не далее двух километров даже при детонации самых мощных зарядов – в десятки мегатонн. Что облако наземного взрыва опасно лишь вдоль своего пути, полосой от двух до восьми-десяти километров по ширине, а заражающий эффект полностью теряет силу, удалившись от эпицентра не далее чем на сотню километров. При этом воздушные взрывы опасны лишь световым излучением и ударной волной, а их летучие остатки практически не несут угрозы в плане радиоактивности.

Автоматически транслируемая инструкция не стала для Сергея откровением – многое он знал хотя бы даже из школьных уроков по ОБЖ, – но теперь его знания были освежены и примерены к сложившимся обстоятельствам. Не всё потеряно, цивилизация не погибла, у него самого есть неплохие шансы пережить катастрофу.

Он вспомнил, что хотел поменять одежду. Положил мобильник обратно на пассажирское сиденье, огляделся, потом вышел из автомобиля и открыл багажник: подтянул к себе сумку, достал из неё чистые камуфляжные брюки, куртку и свитер. Перед тем как направиться к речке он осмотрел машину. На правом крыле была небольшая вмятина, а с за-

гнутого торца бампера содрана часть пластикового кожуха.

На речке Лазарев прополоскал трусы и камуфляжные брюки, надел джинсы. Трусы пришлось одевать мокрыми: запасных не брал, а остаться без них как-то уж совсем не комильфо. Мало ли что может произойти – теперь, – и вдруг откроется, что он без трусов. То ли ваххабит, то ли извращенец, то ли полудурок. Опозорился как щенок? Да. Но никто ведь об этом не знает. А если сейчас какой-нибудь патруль загребёт?.. Станут осматривать, раздеться заставят... Разрыв шаблона служивым обеспечен. Или ещё какая-то неприятность случится – ранение, например. Нет, уж лучше потерпеть сырость и холод, чем отвечать на вопрос: «Почему вы, гражданин, в верхней одежде, но без трусов?»

Повесив выжатую одежду на спинки сидений, Лазарев снова взял бинокль и забрался на бугор: бурые облака взрывов поднялись выше, посветлели, их немного разнесло ветром и, как показалось Сергею, они приблизились. Теперь решение ехать на юг окрепло окончательно – фактически, запланированным маршрутом. Можно проехать, сколько получится, потом оставить машину в зарослях и дальше идти пешком.

Он припомнил: выезжая из чащи, видел слева колеи, уходящие на юг, даже хотел там развернуть машину, но передумал. Теперь решил проверить: не показалось ли?

Дорога всё-таки имелась. Сильно поросшая травой, местами полностью терявшаяся в растительности, но вполне

проходимая для внедорожника. Он сел за руль, поехал. Однако вскоре движение превратилось в виляние между деревьями, кустами и валунами. Преодолев около трёх вёрст, он оказался в месте, где дорога поворачивала к броду через Ундун-Даван, а дальше уходила на север. Сергей решил спешиться здесь. К тому же и топлива могло не хватить на обратный путь, даже с учётом запасной канистры в багажнике.

Лазарев выбрал сравнительно ровную площадку у подножия хребта, на опушке леса, густо покрывающего склон, и загнал на неё машину. Он ещё раз попытался определить своё местоположение по навигатору, но GPS-связи не было, как и мобильной. Включил радио: шёл повтор за повтором инструкции ГО. Запустил автопоиск каналов. Через несколько секунд приёмник нашёл ту волну, что прежде передавала сообщение о тревоге – это было «Радио России». Теперь и здесь транслировалась инструкция. Других радиостанций приёмник не находил и Сергей выключил его.

Надо пообедать и идти на юго-восток, к Байкалу. С собой возьмёт рюкзак с одеждой, спальник, еду, бутылку воды, фотоаппарат, бинокль... телефон, конечно, – и всё. Надо до темноты выйти к берегу. Он прикинул по карте, что находится примерно в четырёх-четырёх с половиной вёрстах от Ушканьей пади. Главное, перейти через три хребта или обогнуть их, а на берегу уже будет проще. Может быть, там строения и пристань пади окажутся в зоне видимости.

Еды ещё оставалось на пару трапез: полбатона хлеба, от-

резок сервелата, кусочек «российского» сыра, банка сайры, банка омуля в томате, яйцо, огурчик и помидор. Сергей обедал минут пятнадцать, затем собрал оставшуюся еду в рюкзак; на походной газовой плите за это время подогрелся чайник, и чай он пил уже стоя и быстро, поглядывая то на юго-восток, то на северо-запад, где виднелись высоко поднявшиеся серые облака взрывов. Они уплотились и слегка растянулись; нижняя часть была темнее, чем у кучевых облаков, и имела явный коричневый оттенок.

Вспомнил, что у него падала сумка-чехол с фотоаппаратом и объективами. Открыл её и осмотрел содержимое – всё цело. Потом проверил – взял ли всё необходимое, ещё раз глянул на карту, закрыл машину, поставил её на сигнализацию... И в этот момент подумал, что лучше оставить ключ здесь – спрятать где-нибудь. Теперь может произойти что угодно – можно остаться не только без ключа, но и без машины. Он быстро нашёл подходящее место: дерево с расщеплённым стволом. Трещина была глубокая, но не сквозная, и представляла собой продолговатую нишу, нижний край которой находился на уровне человеческого роста. Сергей отломил ветку толщиной с мизинец и продел её через кольцо в ушке электронного ключа. Ветку установил в распор ниши – уже с трёх шагов ключ был совершенно не виден.

В одиннадцать часов дня тронулся в путь. Пошёл строго на юго-восток, по распадку²¹ протяжённостью более версты.

²¹ [21] Распадок – узкая долина между двух конических гор или (чаще) хребтов,

Меньше чем через полчаса он вышел на открытую каменную площадку, за которой лежал невысокий хребет с довольно крутыми склонами. Судя по карте, его можно было обойти примерно за полчаса, если повернуть на запад. Но Сергей решил идти в гору: с гребня он хотел разглядеть окрестности и надеялся на то, что мобильник найдёт на высоте сеть и оживёт.

Склон до самого верха был густо покрыт растительностью, правда, она постепенно становилась ниже, высокие деревья полностью сменились кустарником и карликовыми, сильно изогнутыми деревцами. Тем не менее идти было тяжело: крючковатые ветви цеплялись за рюкзак со спальником, за одежду. Три четверти часа ушло на подъём. С гребня он увидел Байкал – за долиной, лежащей между двух небольших гор.

Но не озеро привлекло внимание Сергея, а то, что находилось на западе. Там вздымались к небу несколько серых облаков, точно таких, какие он видел более часа назад на севере. Иркутск! Это над Иркутском (или вблизи него) вознеслись столбы радиоактивного пепла и дыма. Можно было различить четыре «протуберанца», уже далеко отнесённых ветрами от эпицентров – за ними тянулись шлейфы чёрного дыма.

На северо-западе поднялось к небу больше «протуберанцев», но сосчитать их было сложно – они загораживали друг

друга и сливались. Ближе всех был тот столб дыма, который Сергей увидел первым (ещё от речки), и он находился отдельно от остальных. Хотя вполне возможно, что расстояние как до него, так и до тех, что поднялись в окрестностях Иркутска, было примерно одинаковым, а до города отсюда было вёрст семьдесят. Но ближайшее облако сносило восточнее – так казалось. Теперь опасность могли представлять более далёкие облачные остатки взрывов: они находились западнее и их, похоже, сносило прямо в сторону Лазарева.

Зрелище потрясло Сергея: он сбросил поклажу и сел на землю. Минуту спустя достал бинокль и стал всматриваться в даль. Сначала он думал о том, что происходит в районах, опалённых ядерным пламенем, о своей квартире (вообще, уцелел ли дом, в котором она расположена?), однако постепенно мысли обратились к будущему. Как оно сложится? Где он будет жить? А вдруг его заберут в армию? Он сейчас выйдет к людям, а его заберут служить этой стране дураков, всю свою историю воюющей с цивилизованным миром. Служить Лазареву не хотелось – не любил муштру, тревоги, атаки, приказы... Он не был в армии (в своё время мать сделала для него нужную справку), но об армии начитался в Интернете и заочно ненавидел её порядки. В них нет свободы для человека. В них тупость и бесполезные жертвы.

Лазарев опустил бинокль. Оглянулся на Байкал, затем медленно обвёл взглядом горизонт от юго-запада до северо-востока. Озеро, низкие горы, тайга, голубое небо с ред-

кими белыми облаками.

Какая красота! Вот он – прекрасный пейзаж. А на нём сумасшедшие политики – алчные, глупые, беспринципные – поставили радиоактивные кляксы. Не могла это сделать Америка, не могла сделать Европа – они не настолько глупы. Они стремятся к процветанию, а не к разрушению. Война для них просто не выгодна. По крайней мере, самоубийственная война. Запад может всё купить! Может подкупить своим высоким уровнем жизни, свободой мысли, свободой совести. Америке и Европе нет смысла начинать смертельно опасную схватку. Таковую войну могли начать только кремлёвские вурдалаки. Только гэбистская карликовая особь с имперскими амбициями могла совершить это преступление против человечества, против своей страны, и так уже униженной и обворованной ею.

С общих проблем мысли скоро переместились в личную плоскость. Чувство абсолютного одиночества поглотило Лазарева.словно из всего людского рода остался он один. Есть эта вершина, в окружении других, есть темнеющий вдали Байкал, есть синее небо и солнце – но нет больше человеческой цивилизации. Он вспомнил о своём детстве без отца, о матери, о родственниках по материнской линии, с которыми сознательно не поддерживал отношений, вспомнил о бывшей жене... об их первых месяцах после знакомства. Ему стало жалко всех, но и себя ему было жалко тоже. Глаза увлажнились, он шмыгнул носом. Лазарев забыл о цели свое-

го перехода через хребет, об опасностях новых взрывов и надвигающихся радиоактивных облаках, о прохладном ветре, что легонько трепал его длинные русые волосы. Так Сергей просидел несколько минут, понемногу успокаиваясь, отряхаясь от ужасных и постыдных переживаний сегодняшнего утра.

Наконец он вытащил из нагрудного кармана айфон – тот по-прежнему был в «зависшем» состоянии. Тогда он достал фотоаппарат и начал делать снимки. Теперь объектом съёмки стала не осенняя тайга и прибайкальских горы, а последствия атомных ударов. Даже на таком большом расстоянии был виден чёрный дым, поднимавшийся вслед серо-бурым радиоактивным облакам. «Наверное, город горит», – подумал Лазарев и снова вспомнил о своём жилище. Между тем воздушные течения относили дымопылевые образования к устью Ангары, то есть в южном направлении. Сергей предположил, что ближе к вечеру эти искусственные смертоносные тучи закроют собою солнце.

Он обратил внимание, что в небе нет гражданских самолётов. Над этой местностью проходят их трассы и ещё утром был слышен звук авиационных моторов. «Может быть, аэродром разбомбили? – пришло на ум. – Да нет, аэродром ведь гражданский. Наверное, запретили полёты из-за военных действий».

Закончив фотографировать, положил камеру в сумку-футляр, перекинул её ремень через голову, чтобы она висела

на груди, и взвалил на плечи рюкзак со спальником. Перед тем, как тронуться в путь, взглянул в сторону Иркутска: чуть повернул голову, бросая взгляд на надвигающееся радиоактивное облако с севера... и застыл.

Вдали – правее и севернее атомных дымин – устремились в высоту несколько искорок, а за ними тянулись белые нити: к низу они утолщались, теряли белизну и плотность, наконец растворялись в синей приземной дымке. Ракеты! Межконтинентальные баллистические ракеты. Реактивные снаряды противоракетной и противовоздушной обороны небольшие в сравнении со стратегическими монстрами, и поэтому они быстро разгоняются; сразу после старта резко меняют траекторию, дыма за ними почти нет. А эти ускорялись довольно медленно и набирали высоту почти перпендикулярно горизонту, за ними тянулся дымный шлейф. Может быть, в эти секунды запускались и противоракеты, но видно их не было. Без сомнения – это «тополя» или «ярсы».

Сергей сбросил рюкзак, тот пополз вниз по южному склону. Достал из сумки фотоаппарат и стал снимать. Снимал с наибольшим увеличением, раскрыв диафрагму объектива полностью и поставив короткую выдержку (чтобы уменьшить размытие изображения от тряски рук). Ракеты взлетали очень далеко, на пределе видимости. Лазарев мысленно прикинул, что место старта километрах в сорока, в районе посёлка Добролёт. Он даже слышал, что к северу от него на-

ходится то ли часть ПВО, то ли стартовая позиция²² МБР.

Сначала разглядел девять ракет: они ускорялись и едва заметно отклонялись к востоку, а белый след постепенно исчезал в небесной сини. Затем на некотором отдалении Сергей увидел ещё один залп из девяти ракет – западнее и, вероятно, чуть дальше. Количество пусков можно было сосчитать лишь по факелам сгорающего топлива, которые отсюда казались мельчайшими искорками, а дымные шлейфы ракет сливались: видимо, дивизион был развёрнут фронтом строго на восток. Ракеты поднялись высоко и уже почти исчезли, когда до Лазарева донёлся нарастающий звук, какой обычно бывает у военных самолётов. Спустя несколько секунд на западе показались две точки. Они пронеслись вёрстах в трёх в северо-восточном направлении. «Перехватчики? – мелькнула мысль. – А может быть, это „миги“ с „кинжалами“ под брюхом? Неужели мифические „кинжалы“ в самом деле существуют?» Не успели скрыться из виду эти самолёты, как в том же направлении и на таком же отдалении от Лазарева пролетела ещё одна пара реактивных машин.

Надо было уходить. Радиоактивные облака приближаются, да и, судя по всему, следовало ожидать новых ответных ударов от Штатов: Лазарев не сомневался, что те только отвечают и даже не пытался понять, почему между пусками

²² [22] Стартовая позиция – небольшой участок местности подготовленный для развёртывания ракетных систем. Может включать в себя капониры, блиндажи, а также окопы и наблюдательные посты для противодействия диверсионным группам противника.

ракет первой волны и американским ответом был такой короткий временной промежуток. Ближайшего радиоактивного облака Сергей теперь не сильно опасался: стало очевидно, что воздушные течения сносили его севернее. А вот облака позади и левее представляли опасность, они явно двигались сюда. Успокаивало одно – хватало времени, чтобы укрыться от них.

Сергей медлил. Тщеславие толкало на риск: он ожидал ответного американского удара по позициям укрывшихся в тайге «тополей» и был не прочь заснять атомные взрывы. На руку ему северо-западный сухой ветер и высота, на которой он находится. На юге (в стороне озера) видимость была значительно хуже из-за большого процента влажности в атмосфере. Выросшие в окрестностях Иркутска атомные исполнины тоже были видны не очень хорошо – то ли из-за близости озера и реки, то ли из-за смога. Северное направление просматривалось отчётливо, только у самой земли атмосфера приобретала серовато-синюю мутность, да ещё уменьшилась прозрачность воздуха позади приближающихся радиоактивных облаков.

Наконец он начал спускаться с хребта. Этот склон был более пологий, чем северный, и не так густо покрыт растительностью. Шагах в двадцати внизу, упёршись в валун, лежал рюкзак. Лазарев поднял его и закинул на плечи. Поверхность была каменистой и приходилось соблюдать особую осторожность при спуске. Впрочем, спуск был вскоре прерван. Раз-

дался глухой раскатистый звук. Он был похож на обыкновенный гром, но какие сомнения теперь могли возникнуть, тем более когда на небе лишь белые кучевые облака? Звук далёкого атомного взрыва по ту сторону гребня.

Теперь Лазарев не заметался, как это было с ним утром. Пережив тогда ужас и стыд, он определённо собрался внутренне. А кроме того, несколько минут назад он рассматривал дымопылевые останки атомного кошмара – это придало ему уверенности в том, что он находится в безопасности, в зоне недосягаемости для излучения и ударных волн. Он испытывал тревогу, некоторый страх, но никак не ужас. Сумасшедший азарт завладел им: увидеть вспышки, растущие грибообразные облака, действие ударных волн... Столько раз он видел это в художественных фильмах и в документальных роликах об испытаниях атомных бомб, а теперь есть возможность с безопасного расстояния увидеть страшное и одновременно завораживающее явление собственными глазами.

Мало того, у него возникла сумасбродная идея – сфотографировать ядерный взрыв, и она влекла его не вниз по склону, а обратно, к гребню. Интерес и тщеславие оказались сильнее страха. Эти снимки потом будут пожирать глазами... будут водить по ним пальцами те, кто останется живым, может быть, десятки и сотни поколений людей... людей-мутантов или как они там будут называться. Можно прославиться, как Ник Ут²³. Это шанс для славы – славы, кото-

²³ [23] Ник Ут – фотограф, фотокорреспондент; вьетнамец по происхождению,

рая надолго переживёт его. И Лазарев, скинув рюкзак, устремился к гребню хребта.

Между тем вслед за первым взрывом, последовал второй, третий, четвёртый... больше десятка точно. Когда Лазарев оказался на гребне, то увидел совершенно невероятную картину: примерно дюжина грибообразных «протуберанцев» вздымались над горизонтом от северо-востока до северо-запада. И прямо на глазах у Сергея разгорались ещё три термоядерных шара. Наверное, на каждый из них в отдельности с такого расстояния можно было бы смотреть через затемнённые очки или хотя бы прищурившись, но их одновременная светимость была такова, что даже кожей лица чувствовался жар. Опасаясь ожога, он присел, укрылся за гребнем. Потом осторожно поднял руку с фотоаппаратом – ей не причинили вреда лучи далёких вспышек. Тогда он медленно стал подниматься, прищурившись и глядя в видоискатель камеры.

Один из взрывов произошёл точно там, где по прикидкам Сергея располагался Иркутск. Склонив голову, чтобы не ослепнуть, он фотографировал его с третьей или четвёртой секунды от начала реакции. Заряд сработал на высоте нескольких километров – это очевидно, иначе вспышка не была бы видна за отдалёнными холмами. Ударная волна

но эмигрировал в США, там работал и прожил большую часть жизни. Известность ему принесла фотография вьетнамской девочки, спасающейся от напалмовой бомбардировки проамериканской авиации.

в виде быстро раздувающегося громадного пузыря колыхнула дымовую завесь над городом. Почти чёрный гриб из наэлектризованной пыли и пепла сначала просто материализовался на месте ослепительного огня, а затем стал вытягиваться, при этом остаточное облако ещё примерно минуту полыхало багровыми языками пламени.

Лазарев снимал около четверти часа, успев поменять заполненную карту памяти. Пронеслись ударные раскаты, далёкие грибообразные столбы пепла и пыли уже не росли так интенсивно, как сразу после своего появления – они почти застыли.

Сергей сел на землю. Сел обессиленно, грузно, уронив руку с фотоаппаратом на бедро. Происходящее казалось ему галлюцинацией. Три четверти мира, если оглядеться, совершенно обычные: голубое небо, светлые облака, ослепительное солнце, темный Байкал, жёлтыми и бурыми пятнами распласталась тайга в подножиях гор, а четверть мира (с севера на запад) – похожа на акварельный рисунок: размытый серо-голубой горизонт, над ним – около двух десятков грибов, выведенных неуверенной дрожащей рукой, выше – небо с грязно-серыми облаками. Фантасмагория.

Так, плохо осознавая себя, сомневаясь в реальности происходящего, Сергей сидел несколько минут. Потом поднял к глазам бинокль... но скоро опустил его: из-за поднятой ударными волнами пыли и разнесённого дыма даль утонула в серо-синей пелене.

Вновь он вспомнил о квартире, о вещах, что в ней остались, о деньгах. «Но какие снимки я сделал! – будто компенсируя мысли о потерях, подумал Лазарев. – С такими снимками, пожалуй, можно рассчитывать на славу и хорошие гонорары: лишь бы Америка не сильно пострадала от какой-нибудь „Сатаны“ или „Тополя“. Но у Америки защита лучше. С её технологиями и с готовностью к заскокам кремлёвских вурдалаков она должна уничтожить большую часть их ракет. Да половина этих „Булав“ и „Тополей“, как водится, сразу после старта посыпалась, наверное, на головы тех, кто их запустил. Может быть, и на Иркутск такая вот „булава“ упала, а потом скажут, что Америка город уничтожила. „Протоны“ у них падают, „Булавы“... Страна-бензоколонка. Импортные запчасти с некоторых пор перестали на бензоколонку завозиться, а своё, что-нибудь стоящее, отродясь делать не умели. Всю свою историю воровством жили. Ракетостроение у немцев украли, атомную бомбу – у американцев, водку – и ту у поляков спёрли».

Сергей поднял взгляд к приближающимся серым облакам, потом встал на ноги, резко развернулся лицом к Байкалу – и заспешил вниз по склону.

Менее чем через час (в начале третьего) он был на берегу озера.

Строения турбазы и пристань с баркасом Лазарев увидел ещё со склона прибрежного хребта, слева по ходу движения, но сворачивать к ним не стал. На берег он вышел примерно в версте от пристани. С этого места было видно, что ближайшее радиоактивное облако одним краем уже нависло над озером, правда, намного дальше турбазы. Остальные пока видны не были – всё-таки обзор здесь был сильно ограничен, в отличие от высотных точек наблюдения в горах. Осмотревшись, Лазарев направился к Ушкани.

Немного не доходя до урочища остановился, чтобы посмотреть в бинокль. Ничего особенного тут не происходило. На пристани несколько человек сгружали с баркаса пустые пластмассовые бочки и коробки; в коробках, наверное, были продукты, потому что среди них было несколько упаковок с лимонадом. Две собаки лежали у самой воды. Лазарев опустил бинокль и снова зашагал.

Прошёл мимо двух ближайших построек и деревьев, расположенных у самого берега, но людей тут не было. Пару деревянных домов на прибрежном склоне разделяла длинная беседка со столом и скамьями. Шагов через семьдесят, у самой воды, росли два раскидистых дерева с длинными гибкими ветвями, а рядом стояли три машины. Он проследовал мимо. На дороге, ведущей от берега к дальним строениям

урочища, метров за сто до пристани, вели беседу трое мужчин, при этом один из них говорил громко и много жестикулировал, указывая то на пристань, то на горы. Двое были в возрасте, а третий примерно одних лет с Сергеем или моложе. Лазарев направился к ним.

До троицы оставалось шагов пятнадцать, когда молодой указал товарищам на Сергея: те обернулись. Спустя пару секунд, один из них спросил:

– А вы кто? откуда? Здравствуйте.

Прибежавшие от пристани собаки (заметившие чужака раньше людей), устремились к Лазареву с весёлым лаем.

– Фу! Шнур, Друг, фу! Свой! Не бойтесь, не укусят. Идите сюда. Не бойтесь.

Собаки забегали вокруг Лазарева, не приближаясь к нему ближе чем на полтора-два метра.

Сергей, смущённо улыбаясь, подошёл и остановился в двух шагах от мужчин:

– Здравствуйте. Я оттуда, – держа руки на лямках рюкзака, он повёл головой влево, указывая на запад и береговую линию, уходящую к Ангаре и Иркутску. – Через горы шёл. Никогда раньше здесь не был.

– Турист, значит, пеший...

Лазарев резонно предположил, что мужчина с тёмно-рыжими усами и короткой стрижкой, задавший ему вопрос, был старшим из этих троих, и не только по возрасту. В стильной кожаной куртке, в замшевых ботинках... бейсболка

с надписью «Байкал» на голове как с игопочки – он выделялся лоском и представительностью.

На фразу этого человека, прозвучавшую двояко (то ли вопрос, то ли утверждение), Сергей лишь слегка пожал плечами и оттянул лямки рюкзака: о своей машине, оставленной в лесу, он рассказывать первому встречному не собирался.

– А откуда идёте? Где к озеру вышли? – мужчина на секунду перевёл взгляд за спину Сергея, на береговую линию. – Вы вообще в курсе, что происходит?

– Я фотограф. Иду от Горячего Ключа, напрямую... почти. Где-то около километра шёл по берегу. А до этого поднимался на горы, видел взрывы, залпы ракет, самолёты...

– Взрывы видел? Где?

– Там, – Сергей быстро определился с направлениями и показал рукой на северо-запад. – Иркутск, ракетные базы – в той стороне. Только я ничего не знаю. У меня мобильник сеть не берёт и навигатор...

Он осёкся, подумав о машине.

– Иркутск бомбили? – насторожился другой старший мужчина: с виду – бурят.

Он был одет в камуфляжную форму, какую носят охотники, на ногах – высокие ботинки, на плече – ружьё.

– Война началась, – резко произнёс мужчина в кожанке, не обращая внимания на вопрос своего товарища.

Сергей обвёл взглядом всех троих и спросил, будто уточняя:

– Война?

После виденного сегодня ничем особенным не отозвалось в нём это слово, раскалывающее человеческую жизнь на «до», «во время» и «после». Оно вызвало лишь чувство досады, сожаления, какое бывает, когда что-то идёт не так, как ожидалось, не по плану.

Испытующе глядя на Лазарева, старший кивнул, а его товарищи почти одновременно ответили: «Да».

– А с кем? Кто начал?

– А хрен его знает. Вроде поначалу говорили – Россия напала первой, а теперь – что американцы сбили самолёт с Президентом и они же начали. Хрен разберёшь пока.

– Да теперь никогда не разберутся, будут друг на друга валить, – переступая с ноги на ногу, произнёс мужчина в камуфляже.

– Сбили самолёт с Президентом?! – недоумение звучало в голосе Лазарева, но этим словам предшествовала секунда невообразимой бури чувств на лице.

– Да всякое говорят.

– Телевизор не показывает, интернета нет, мобильники не ловят, и радио... – произнёс третий мужчина.

Был он лет тридцати-пяти, коренастый, с грубыми, но привлекательными чертами лица, вероятно, в юности серьёзно занимавшийся спортом. На нём был камуфляжный костюм, на ногах – крепкие кроссовки; и ружьё – на плече.

– Вам бы лучше у нас остаться, раз такое дело, – сказал

«представительный». – Вообще-то тут закрытая территория, частные владения, но сейчас надо вместе держаться. У нас есть спальные места в гостевых домах, столовая... у нас тут хорошая. За размещение денег не возьмём, за питание тоже пока, а там – посмотрим. Меня Михаил зовут, я директор. А это – егеря с Кадильной: Савельич и Сашка. У них машина сломалась. Вас как звать?

– Сергей.

– Ну как? Ты с нами?

– Конечно, – согласился Лазарев, быстро смекнув, что нет смысла отказываться от такого предложения: когда ситуация прояснится, можно будет уйти.

– Ага. Ну, иди в тот дом, справа, с верандой, там девчонка сидит – пусть тебя запишет и покажет, где разместиться. Скажи – я направил.

То, что ему бесплатно предложили место для пребывания, Лазарев и не заметил – принял как должное, а вот этот резкий переход с «вы» на «ты»... это всегда раздражало Лазарева. На значительную разницу в годах с Михаилом он скидку не делал – не в его правилах уважение к возрасту. Поэтому он натянуто улыбнулся всем троем, подумав: «Быдло, типичное российское быдло» – и направился к указанной постройке.

Турбаза представляла собой суходол, примыкающий к песчаному берегу широким ухоженным лугом. Вокруг луга, среди редких деревьев, вразброс стояли около десятка де-

ревянных домиков, различающихся между собой как видом, так и размерами – впрочем, только два строения были явно крупнее остальных. К одному из них (его здесь называли «правление») и лежал путь Сергея.

Второй этаж правления занимала администрация базы, а на первом находилась гостиная, с маленьким залом и стойкой регистрации. Здесь работал телевизор, подключённый к спутниковой антенне. На экране шла трансляция новостей на каком-то восточном языке (на арабском, как показалось Сергею). Мелькали картинки, но все они были из мирного времени: лица президентов, политические карты, изображения оружия и прочее. Внизу экрана бежали две текстовые строки восточной вязью. Речь дикторов была возбуждённой, они перекладывали бумаги на своём столе и часто поворачивали головы в сторону от камеры – наверное, там находились мониторы с картинками других каналов.

В гостевую книгу его записывала девушка лет двадцати двух по имени Дарья – единственная барышня на базе. Светловолосая, невысокая, с привлекательным, круглым, слегка веснушчатым личиком. Она рассказала: в половине восьмого по телевизору прервались все передачи и стал транслироваться сигнал тревоги. Сначала подумали, что это внезапные учения, ведь все знают о дивизии межконтинентальных ракет, расположенной в области. Стали переключать каналы и оказалось, что на иностранных – тоже тревога. Правда, не на всех: на китайских, гонконгских, корейских шли

срочные новости и сообщения писались большими иероглифами и буквами. На западных каналах (на некоторых) было оповещение о тревоге, на других – новости, ну а российские все сразу прекратили вещание, только сигнал тревоги передавали. А потом российские вообще пропали. Интернет исчез, компьютеры почему-то зависли и больше их операционная система не загружается.

Сначала и не знали, что делать – вблизи нет ни бомбоубежища, ни подземных строений. Все вместе кинулись освобождать единственный подвал (там хранились припасы), но места в нём оказалось слишком мало. А кроме сотрудников базы здесь находились отдыхающие: семья из Иркутска и компания студентов (семь человек) из Москвы. Тогда кто-то предложил укрыться в пещере, что неподалёку, километрах в двух – туда ещё туристов водят. Взяли продуктов, воды и поехали на машинах. Ехали и боялись: на небо всё время смотрели – не летят ли ракеты? В пещере пробыли около пяти часов. Вблизи неё есть старая вышка, на которой установлен ретранслятор МТС, и у некоторых мобильники поймали сеть. Стало известно: в Голоустном всё в порядке, взрывы далеко и никакой особой опасности пока нет. Но кто-то дозвонился до Иркутска и вот там, оказалось, творится ужас: возле микрорайона Зелёного²⁴ произошёл атомный взрыв: в городе паника, много раненых, убитых. Гости

²⁴ [24] Зелёный – микрорайон Иркутска; в нём расположена военная часть и жилые дома для военнослужащих.

и сотрудники, у которых в городе жили родичи, понятное дело, волновались сильно, потом они договорились всем вместе уезжать отсюда. Взрывов больше не было, ничего такого страшного, как раньше думали, не происходило... В общем, решили: Америка и Россия полностью отстрелялись, все ракеты выпустили, и нет смысла сидеть в пещере.

«Страшно было, конечно, а куда деваться? – отвечала Дарья на вопрос Лазарева, когда они уже вышли на улицу и направились к домику, где должен был поселиться Сергей. – Москвичи эти, ребята, и семья из Иркутска сразу сели в катер и уплыли в город. И местные три человека (на нашей базе работают) тоже уехали. Сначала оставались здесь, их директор просил, а как всё беспокойно, а у некоторых же родственники в Иркутске, – так сели на машину и уехали. Сначала связь-то была по телефону, все звонили... То есть, когда началось, то сразу эсэмэски пошли и звонки автоматические: диктор сообщала, что атомная тревога объявлена, а дозвониться нельзя было. Потом появилась связь (когда уже отбабахало), но только плохо стало слышно – это снаружи пещеры или если к выходу ближе подойти, а в глубине вообще никогда мобильники сеть не ловили. Где-то через полчаса, наверное, связь совсем пропала, у всех телефоны показывали „нет сети“. Я-то своим успела дозвониться, но всё равно не знаю, как они там сейчас. Хочу поехать домой, но директор попросил остаться, обещал потом всех, кто захочет, отвезти в посёлок, вечером. Сейчас народу мало осталось:

только наши местные работники и один гость – охотник. Вы с ним соседи будете, он из Москвы, но раньше в Иркутске жил. А вы что-нибудь слышали или видели?»

Лазарев рассказал о том, что видел он. Его рассказ поразил Дарью: В Иркутске у неё жили родственники, а также друзья, уехавшие в город на учёбу и осевшие там. Девушка заплакала, когда Сергей красочно (как мог) и возбуждённо стал рассказывать о второй атаке, виденной им с гор. «Опять по городу, да? – спрашивала она, глядя на Сергея сквозь слёзы. – Они же стреляли по нему утром. Туда, где военная часть, ракетчики».

Из пади открывается вид лишь на озеро и горизонт просматривается только от юго-запада до востока, поэтому все, кто не покидал в это утро турбазу, не могли видеть взрывов и пусков ракет и не представляли, что происходит за горной возвышенностью, расположенной на севере урочища. Да, взрывы здесь были слышны и люди понимали, что это рвутся, скорее всего, атомные боеприпасы, но никто из оставшихся к этому времени на турбазе не поднимался в горы, а без мобильных и Интернета исчезла связь с миром. Тут не имели понятия даже о том, что атак было две: люди находились в пещере, когда громовые раскаты второго налёта прокатились над водами Байкала.

– Получается, это вы вышли наружу минут через пятнадцать-двадцать, – он на секунду умолк, ещё раз прикидывая время, – после второго удара? И совсем ничего не видели,

не слышали?

– Нет, – отвечала Дарья, – ничего. Наверное, в это время как раз шумели сильно. Народ спорил: выходить-не выходить, ребёнок плакал. Там холодно очень было. Нет, правда: в пещере очень холодно и сыро. Ни туалета, ни света. Мы подальше сразу зашли, в грот, а к выходу иногда кто-нибудь ходил на разведку.

Они были уже у домика. Внимание Сергея привлекла небольшая постройка по соседству, невероятной красоты, в русском стиле – деревянная, резная.

– Хорошо хоть свет не выключили, – заметила Дарья. – Но у нас тут есть генераторы, на всякий случай. Тут ведь кордон лесной был и питомник собачий, лаек разводили, и вообще тут заповедник, это недавно уже домики поставили для гостей.

– Я вот тоже удивляюсь, что электричество есть, – отвечал ей Лазарев, прерывая любование резным деревянным чудом. – Не ожидал даже. Надолго ли?

– Вы сказали, что радиоактивные облака движутся сюда... – девушка уже поднималась на крыльцо. – А как думаете, скоро они до пади дойдут?

– Вон то облако видите, над озером? – он указал рукой на край облака, большая часть которого была скрыта за горой. – Из-за хребта которое выглядывает? Это оно.

– О господи! – воскликнула Дарья. Она остановилась на последней ступени лестницы перед крыльцом, оберну-

лась, поднесла руку ко рту, касаясь губ пальчиками. Побледневшая девушка несколько секунд смотрела на облако. – Мне страшно.

– Оно мимо прошло. Там дальше, за хребтом, идут другие, и они как раз пройдут над нами.

– А что делать? Это же опасно. Мы можем заразиться!

– Если дождя не будет, то не так опасно, но защита нужна в любом случае. И вон те облака, кстати, самые дальние – тоже остатки «атомных грибов». Они от Иркутска ползут. Это ещё от первого удара.

– Господи! Я думала, это обычные облака. Я так не присматривалась... а они похожи.

– Нет, это от ядерных взрывов.

– Ой мамочки...

В доме пробыли не дольше пяти минут: там Сергей оставил поклажу (фотоаппарат тоже), после чего вместе с Дарьей вышел на улицу. Он собирался пойти на пристань, потому что, как сказала Дарья, скорее всего там мог находиться Андрей Иосифович из Иркутска. Это имя Лазареву было знакомо очень хорошо. Знался он с таким человеком в недавнем прошлом, пока тот не переехал в Москву. Однако Сергей особо виду не подал и расспрашивать о нём не стал.

На обратном пути девушка часто поглядывала на небо: облаков стало больше и солнце всё чаще скрывалось в них. Она возвратилась в правление, а Лазарев продолжил путь к озеру.

Возле берега ему опять повстречался Михаил: тот шёл навстречу.

– Ну что, разместился? – спросил он, останавливаясь.

– Да, – ответил Сергей.

– В столовую не пойдёшь?

– Нет. Я перед переходом сюда пообедал, так что до вечера есть не буду.

– А, ну гляди сам, – он помолчал несколько секунд, обернулся в сторону озера. – А у нас доставка продуктов и материалов сегодня. Катер с утра пришёл, а с этой катавасией затагнули разгрузку. И воды решили набрать побольше. Сейчас осадки пойдут – и из Байкала уже не попьёшь, не постираешься. Пустые бочки есть, мы в них нальём воду из скважины. Сергей... правильно я тебя назвал, да?.. Серёжа, мы теперь все одну лямку тянем: работники, егеря, гости, так что ты тоже подключайся к работе. Помоги хотя бы погрузить-разгрузить. С мужиками заодно познакомишься. Сам смотри, где что сделать надо, чем помочь. Хорошо?

– Да не вопрос.

– А может пойдём, я тебя познакомлю?

– Да не стоит, – улыбнулся Лазарев. – Для меня это не проблема.

– Ну хорошо. Бери левее, вон. Там Стас такой есть – подойди к нему, скажи, что пришёл помочь.

– На пристани?

– Да, иди в ту сторону. Я сейчас тоже туда подойду.

Сергей направился к пристани. Ему навстречу ехал уазик, в нём были двое. Водитель остановил машину рядом с Лазаревым. За рулём сидел тот самый егерь, которого директор представил как Сашку. Его пассажир был молодым парнем весьма колоритного вида: рыжий, ярко-зеленоглазый, со шрамом над губой.

– Ну что, устроился? – спросил Сашка, энергично опуская стекло передней двери.

– Да, – Сергей кивнул. – К вашему гостю определили в соседи.

– Он не наш гость. Это он у хозяина в гостях. Я-то вообще к этой богадельне московской отношения не имею, я на участке у Кадильного²⁵ егерю. Мы с Савельичем ездили по сигналу – типа, браконьерит компания тут неподалёку, а у нас подвеска накрылась. Ты никого по пути не видел там?

– Нет. Охотников?

– Ну да.

– Нет. Да я же вышел к берегу недалеко. Кадильный справа оставался.

– Понятно. Тебя Сергеем звать, да? А я Геныч, если ты забыл, – он протянул Лазареву крепкую руку. – А этот рыжий клоун – Димон.

Рыжий клоун протянул конопатую руку с пассажирского сиденья.

²⁵ [25] Мыс Большой Кадильный – расположен в нескольких километрах и к западу от Ушканьей пади.

– Ладно, поговорим ещё. Сейчас разгрузимся... Ты на пристань?

– Да.

– Ну, давай.

Через минуту Лазарев был на пристани. Здесь находились шестеро: Стас, Савельич, приезжий охотник, а также команда баркаса, состоявшая из шкипера (русского) и двух матросов (бурят) – один их не вынимал изо рта чёрную трубку с гнутым тонким мундштуком. Стас, к которому должен был обратиться Сергей, оказался мужчиной лет сорока, высокого роста, мощного телосложения, с большой лысоватой головой и слегка узкими глазами, выдававшими в нём присутствие восточной крови – наверняка бурятской. Сергей назвал ему своё имя и сказал, что пришёл помочь. Стас отвечал: «Да всё уже. Сейчас пойдём туда разгружать, – он махнул рукой в сторону базы. – Только сначала перекурим».

Тут Сергей обратил внимание на знакомое лицо. Это был Андрей Заглитин – тот самый, о котором он подумал, когда Дарья назвала его имя-отчество. Заглитин, на палубе разговаривавший со шкипером, тоже увидел Лазарева и узнал – а не виделись они лет пять. Оба шагнули навстречу друг другу, поздоровались, обнялись.

Заглитину было за пятьдесят. Слегка полноват, среднего роста, с большими залысинами на черепе, седоватый, носящий густые усы (Сергей подозревал, что он подкрашивает их чёрной краской). Лет десять лет назад он принимал Лазаре-

ва в партию «Слива» и в то время был заместителем председателя Иркутского отделения этой партии. Ещё он был депутатом и председателем какой-то комиссии в местном заксобрании. Спустя год Андрей Иосифович взял Сергея себе в помощники, а незадолго до этого устроил в «Фонд народных инициатив», созданный при Иркутском госуниверситете. Лазарев занимался в основном экологическими вопросами и часто встречался с Заглитиным, получая от него задания и наставления, и не только в рамках работы помощником депутата. А пять лет назад Андрей Иосифович переехал жить в Москву. С тех пор они не виделись, хотя Лазарев несколько раз отправлял Заглитину письма электронной почтой, а тот не раз бывал в Иркутске.

– Ты как тут оказался, Серёжа? Где ты вообще, как? – спрашивал Заглитин Сергея, осматривая его и трогая за локоть.

– Так... пешком, почти. Ну, в Иркутске я. В фонде работаю... вы знаете, наверное. Теперь, правда, там работы мало.

– Да, да, – с сожалением в голосе поддакивал ему бывший депутат и кивал.

– А так... На турагенства работаю, для Минкульта материалы делаю, для сайтов у меня покупают работы. Нормально всё.

– Ну молодец. Я вижу, хорошо выглядишь, молодец. А я – видишь?... Поохотиться приехал, а тут...

– Сюда прямо или в Иркутске остановились?

– Сюда. У меня тут место прикормленное, – он засмеялся. – Я уже москвич. Сюда только в гости. Квартиры в Иркутске продали, сын со мной в Москве живёт (у него своё жильё, конечно). Сейчас – в Чехии, образование второе высшее получает. Дочь в Новосибирске, замужем, дважды меня дедом сделала.

– Поздравляю.

– Спасибо. Подожди, – он повернулся к Стасу, закурившему только что сигарету. – Стас, мы пойдём с Серёжей. Догоните, да?

Тот кивнул, махнул рукой, как бы говоря: «Действуйте по своей программе».

– Так что? – мельком взглянув на Сергея, спросил Андрей Иосифович, когда они пошли по берегу к постройкам. – Ты как сюда попал? Только что приехал?

Сергей начал довольно подробно рассказывать о своём путешествии. Однако не успели они сделать и пятидесяти шагов, как к ним подошёл Михаил. Тот поведал, что российские телеканалы так и не появились, а иностранные чествят Россию на чём свет стоит. Также он сказал, что собирается после обеда связаться по рации с посёлком (с Большим Голоустным).

Вдруг со стороны пристани донеслись возбуждённые голоса: люди там показывали в сторону озера. Пока Андрей доставал очки из кармана, а Михаил шурился и полушёпотом повторял: «Не вижу... не вижу», одновременно нашупы-

вая очечник в куртке, Сергей разглядел два светлых предмета, быстро двигавшихся над водой. До них было далеко: по меньшей мере около версты, летели они на высоте метров в двадцать-тридцать с дистанцией метров в двести. Их свистяще-гудящий звук едва-едва доносился до берега.

«Крылатые ракеты!» – донеслось с пристани в тот момент, когда и Сергей догадался, что представляют собой эти объекты. Капитан и Савельич уже смотрели в бинокли. Секунд через пятнадцать пролетела ещё пара реактивных снарядов. Курс всех ракет пролегал с северо-востока на юго-запад. Сергей, Михаил и Заглитин бегом бросились на пристань.

– Видели, да? – возбуждённо обратился к ним матрос с трубкой. – Шесть ракет пролетели!

– Шесть? – спросил Заглитин. – Мы видели четыре.

– Шесть, – уверил Заглитина матрос и другие его поддержали. – Первые две мы сами еле успели заметить. Они уже пролетели дальше, когда мы их слышали. А тут за ними вторая пара пошла. Мы тогда вам крикнули.

– Дай-ка я посмотрю, Петя, – Михаил положил руку на плечо шкипера.

Тот отдал бинокль. Несколько секунд директор пытался рассмотреть ракеты.

– Не вижу ни черта.

– Да от самого берега правее берите. Тёмный дым за ними. Так-то, когда они летели, дыма не было видно, а отсюда

за ними хорошо выхлоп виден.

– А, вот! Вот, вижу. Одна... вторая, – считал Михаил.

– Я и так вижу, – сказал матрос с трубкой. – Вон они, дым тёмный, как у машины, когда газует.

– Огня не видно почти, – говорил Михаил, прильнув к окулярам. – Я думал, факел будет, а там точка светящаяся, то гаснет, то загорается.

– У неё мотор как на самолёте пассажирском, – произнёс Стас: он вынул руки из карманов, чтобы поправить шапку, и тут же спрятал их обратно. – Это у «тополей» ракетные двигатели стоят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.